**СЕРГЕЙ
ПЛАТОНОВ**

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ

Сергей Платонов
Русская история

«Public Domain»

Платонов С. Ф.

Русская история / С. Ф. Платонов — «Public Domain»,

Творческое наследие русского историка Сергея Федоровича Платонова включает в себя фундаментальные работы по истории России, выдержавшие не одно переиздание. По его лекциям, учебникам и монографиям учились тысячи людей. В числе лучших и наиболее авторитетных профессоров Петербурга Платонов был приглашен преподавателем к членам императорской фамилии. В январе 1930 г. историк был арестован по обвинению «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной монархической организации». Его выслали в Самару, где спустя три года ученый скончался. В Советской России труды С.Ф.Платонова находились под запретом. В этой книге можно познакомиться с взглядом Платонова на историю России периода Киевской Руси, время правления Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II, Николая I и других российских монархов.

© Платонов С. Ф.

© Public Domain

Содержание

Введение	5
Предварительные исторические сведения	8
Древнейшая история нашей страны	8
Общественный быт древних славян	11
Киевская Русь	14
Образование Киевского княжества	14
Замечания о первых временах Киевского княжества	18
Киевская Русь в XI–XII веках	22
Колонизация Суздальско-Владимирской Руси	25
Влияние татарской власти на удельную Русь	27
Московское княжество до начала XVI века	29
Время Ивана Грозного	40
Смута в Московском государстве	49
Первый период смуты: борьба за Московский престол	51
Прекращение династии	51
Царствование Бориса Годунова	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Федорович Платонов

Русская история

Введение

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами «историческое знание», «историческая наука». Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом например, покажет нам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю как на художественный рассказ о достопамятных событиях древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о скифах и т.п.), в одни он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, то есть желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, и практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни. От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в Средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой – обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII века (De Rocoles) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо

знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт (в XVII веке) и Лоран (в наше уже время) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенной яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческую жизнь в своих целях. Итальянец Вико (1726) задачу истории как науки считал изображением тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный Гегель в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкой сказать, что все эти философы требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли – простой рассказ о былом вообще или же случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале нашего века, когда в Германии в противовес французскому рационализму развился идеализм, в противовес французскому космополитизму появились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не личной деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо, например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки – социологии. История есть наука, изучающая и конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно точную и художественно цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными крити-

ческими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни самая наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные науки. И однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, – с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевшим целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле – исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только прошлым, но и будущим человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни – жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого исторического факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с историей общей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда останется построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый с своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так и отвлеченные соображения, и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию...

Предварительные исторические сведения

Древнейшая история нашей страны

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обуславливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени найдет прекрасный материал в первом томе «Истории России» С.М. Соловьева; этот историк с особым вниманием остановился на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем же курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содействовать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации – один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие из центра равнины во все четыре окраинных моря, должны были содействовать зарождению и развитию торговли и внутри страны, и с соседними странами. Так особенности страны предопределяли разнообразие хозяйственной деятельности народа.

Но, давая широкий простор для передвижения жителей, содействуя сложению их в крупные общества, природа страны в то же время не охраняла эти общества от чуждых вторжений. Ничем не защищенные со стороны Азии, наши предки не раз делались жертвами диких азиатских кочевников и в природе не имели верного союзника против этих врагов. В первые века нашей истории, как мы знаем, киевские князья искусственной границей, цепью укреплений обороняли свою землю от степных кочевников, позднее московские государи создали такую же искусственно укрепленную границу (черту, берег) от татар. Так, рядом с условиями, содействующими успехам народной жизни, страна создала и условия, противодействующие этим успехам.

Условия русского юга, благоприятные для развития человеческой производительности, очень рано привлекали внимание древних греков. За пятьсот лет до Рождества Христова на северном берегу Черного моря существовали уже греческие города, жители которых торговали с окрестными туземцами. Геродот оставил нам пространный рассказ об этих туземцах, которых греки называли общим именем скифов. По этому рассказу были скифы кочевые, но были скифы и оседлые, достигшие уже известной гражданственности. Многочисленность скифских племен и разнообразие форм их быта позволяют с большим вероятием думать, что греки называли общим именем скифов не одно обширное племя, а несколько племен различного происхождения, живших на север от Черного моря. Во время более позднее, около Рождества Христова, на местах поселения древних скифов греческие и римские писатели помещают народы с иными уже названиями. Общее наименование этих народов – сарматы; видовые имена – язиги, аланы, роксоланы; все эти народы причисляются ныне к арийской расе, хотя и о них мы знаем очень мало. Несколько определеннее данные о так называемом Боспорском царстве, на Азовском побережье; оно было основано скифами и греками-колонистами и жило в таких формах быта, которые отражали в себе влияние и варваров-скифов, и эллинов. Вещественные остатки этого быта (курган Куль-Оба около Керчи и проч.) ярко рисуют нам эту смешанную культуру, так же как и остатки, находимые в более северных скифо-сарматских могилах, дают довольно

хорошее представление о быте скифов и сарматов, живших особо от греков (Чертомлыцкий, или Никопольский, курган на Днепре). Собирая все скудные данные о жизни на Черноморском побережье в наиболее древнее время, мы получаем возможность сказать, что уже до Рождества Христова юг нашей страны был ареною оживленного торгового движения. Предметами вывоза отсюда служили хлеб, рыба, воск и мед, кожи и меха, шерсть, лошади; ввозились же сюда преимущественно предметы роскоши и искусств.

Во II и III веках в истории великой северной равнины произошли крупные события: большое германское племя готов передвинулось от Балтийского моря к Черному и основало в Черноморье сильное государство. Готский король Германарих владел приблизительно южной половиной нынешней Европейской России и ему, как полагают, повиновались, кроме готов, и финские племена (чудь, весь, меря, мордва). В числе подданных Германариху племен видим и наших предков – славян под именем венедов. Несмотря на свою силу, готское царство в IV веке пало под натиском еще более сильного врага – гуннов. Придя из Азии, гунны заставили готов всею массою отступить от Черного моря на запад и войти в пределы Римской империи; на Черноморье (в Крыму и в Тамани) осталась лишь небольшая часть готского племени, державшаяся там очень долго. Оттеснив готов, гунны подчинили себе венедов, то есть славян, и в то же время подпали под их культурное влияние. Рассказ писателя Приска прямо свидетельствует о славянизации гуннов, чем и дает повод некоторым историкам считать гуннов за славян, несмотря на многие признаки их монгольского происхождения (Д.И. Иловайский отстаивал славянство гуннов пред В.Г. Васильевским). С падением гуннов в VI веке славяне попали под владычество аваров, или обров, которых знает уже и наша первоначальная летопись; истребление обров Карлом Великим, а затем болгарами создало в Древней Руси поговорку, записанную летописцем: «Погибоша, аки обры».

Так, из племен чуждых и малоизвестных выступают мало-помалу и наши предки славяне в качестве обитателей великой северной равнины. Но не в первый раз выступают они в истории под властью готского короля Германариха, можно собрать и более ранние указания на существование славян в Европе.

Уже Геродот в IV веке до Рождества Христова называет на Висле генетов, в которых некоторые видят славян. Писатели I–II веков по Рождеству Христову (Тацит и др.) говорят о венетах у Балтийского моря, под которыми позже разумеются славяне. Тацит приравнивает венедов к сарматам, но указывает то различие, что венеды – народ оседлый. Писатели VI века – гот Иорнанд и византийцы Прокопий и Маврикий – уже хорошо знают славян под именами славяне и анты и помещают первых между Вислой и Днепром, а вторых между Днепром и Днестром. Предгорья Карпат были, таким образом, древнейшими местами славянских поселений. От Карпат (от Дуная) ведет славян на Днепр и наша летопись. Славяне ушли с Дуная, теснимые волхами (неизвестным народом), и поселились на русских реках, разделяясь на племена. Поляне сели на среднем Днепре, древляне – на Припяти, дреговичи – на Березине, полочане – на Западной Двине, северяне – по Десне, радимичи – по Сожи, кривичи – на водоразделе Западной Двины и Днепра, ильменские славяне – на Ильмене и Волхове, тиверцы и угличичи – на нижнем течении Днепра и Днестра, воляныне (бужане, дулебы) – по Западному Бугу.

Повествованием летописи о жизни всех этих племен и начинается история Руси. В дополнение к данным нашего летописца о первых порах нашей истории привлекаются историками и все известия иноземных писателей, какие только известны в настоящее время. С помощью их и решаются вопросы о формах первоначального быта славян и начале государственной жизни на Руси.

Но раньше чем приступить к изучению этих вопросов, следует заметить, что славянские племена в начале своей истории не владели всей территорией нынешней Европейской России. На север от них, от Балтийского моря до Урала, жили многочисленные финские племена. При Балтийском море, в бассейне реки Неман, сидели племена литовские. По Каме и средней Волге

шли владения тюркского народа болгар, а на нижней Волге и Дону было государство тюркского же народа хазар, которым управлял хан, носивший титул кагана. Не останавливаемся теперь на подробном изложении данных обо всех этих народах, так как мы будем еще говорить о них в дальнейшем изложении.

Общественный быт древних славян

Мы познакомились с теми известиями о славянах, которые позволяют нам сказать, что русские до начала самобытного политического существования имели несколько веков примитивной жизни. Те же древние писатели раскрывают нам и черты первоначального быта славян, с которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себе, в каком положении, на какой степени общественного развития застает славян история. Придя в пределы теперешней России, в Поднепровье, славяне не нашли здесь такой культуры и цивилизации, как германское племя, вторгшись в Западную Римскую империю. Последние сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне же предстают перед нами в достаточной чистоте примитивного быта. Об этом быте еще в XVIII веке сложились два воззрения. Представителем первого был известный Шлецер, другая же теория получила окончательное развитие в «Истории русской жизни» современного нам ученого И.Е. Забелина. Шлецер представляет себе первоначальный быт славян не выше быта дикарей-ирокезцев. Еще летописец говорил, что славяне «живяху звериньским образом», так думал и Шлецер. Первые семена гражданственности и культуры, по его мнению, были брошены варягами, которые вызвали славян на историческую арену. Это взгляд, очевидно, крайний. Забелин же («История русской жизни») рисует нам быт славян русских в IX–X веках очень сложным и развитым и впадает поэтому в иную крайность. Отрешимся от этих двух точек зрения и рассмотрим, какие несомненные данные для выяснения этого вопроса можем мы найти у древних историков.

Прежде всего – славяне народ не кочевой, а оседлый. Уже Тацит, который сближает их с сарматами, отмечает, что они были диким народом, но отличались от сарматов тем, что жили оседло и строили дома. Оседлость славян надо понимать в том смысле, что главный капитал их состоял не в стадах и табунах, а в земле, и хозяйство было основано на эксплуатации земли. Но оседлость славян была непрочна, так как, истощив пашню на одном месте, они легко покидали жилище и искали другого. Таким образом, поселки славян имеют первоначально очень подвижный характер. Об этом согласно свидетельствуют и греческие писатели, и летописец, который говорит о древлянах и вятичах, так что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словам летописца, «живяху звериньским образом», уже к началу летописи «делают нивы своя и земля своя».

Страны, в которых приходилось жить и пахать славянам, были лесные, поэтому рядом с земледелием возникает и эксплуатация лесов, развиваются лесные промыслы, бортничество и охота с целью промышленною. Воск, мед и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Россия на Дунае. Святослав, например, желая остаться на Дунае, говорил: «Хочю жити в Переяславце на Дунаи, яко то есть середя в земли моеи, яко ту вся благая сходятся...». Он перечисляет далее, что привозят туда из Греции и Рима, а о Руси говорит: «Из Руси же скоро и мед, воск и челядь». Охота на пушного зверя составляла один из основных промыслов славян, точно так же как изделия из дерева – лодки и т.п. Конечно, это обуславливалось тем, что пашня славянина была в лесу. Вот, таким образом, хозяйство, в котором, как мы видим, все отрасли промышленности тесно связаны с землею.

Другая сторона хозяйственной жизни славян заключалась в торговле. Давно уже на пространстве от южного побережья Балтийского моря до Урала находят клады с арабскими (куфическими) монетами, относящимися к VIII, даже к VII веку (693). Если принять во внимание, что у арабов был обычай при каждом новом хане перечекашивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мере век, в котором зарыт клад. На основании этого и делают вывод, что в VIII, IX и X веках те народы, которые жили на Руси, вели торговлю с арабами. Эти археологические предположения совпадают с рассказами арабских писателей, которые передают нам, что арабы торговали в пределах нынешней России, и между прочим с

народом росс. Велась торговля, вероятно, речными путями – по крайней мере, клады своим местонахождением намекают на это. О размерах торговых оборотов мы можем судить, например, по тому, что у Великих Лук найден клад, оцененный в семь тысяч рублей. Возможность зарыть в одном клade столько ценностей показывает, что торговля велась большими капиталами. В торговле с Востоком для славян большое значение имели хазары, которые, покорив южных славян, открыли им безопасный путь к Каспийскому морю. Под покровительством этих же хазар славяне проникли и в Азию. Это было одно направление торговли славян-русских. Второе ведет нас на юг. Древний договор Олега с греками показывает, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что в X веке сложились уже определенные формы и традиции торговых отношений. Указывают и на третий торговый путь, который шел из Руси в Западную Европу. Профессор Васильевский, основываясь на хороших данных, говорит, что славяне в глубокой древности под именем рогов постоянно торговали на верхнем Дунае. Таким образом, сведения, которые мы имеем от древнейшей поры, показывают, что рядом с земледелием славяне занимались и торговлей, а при таком условии мы можем предположить у славян ранее существование городов как торгово-промышленных центров. Этот вывод – вывод несомненный – проливает яркий свет на некоторые явления древней киевской жизни.

Хотя Иорнанд и утверждает, что у славян не было городов, тем не менее с первого же времени исторической жизни славян мы видим у них признаки развития городской жизни. Скандинавские саги, знакомые с Русью, зовут ее Гардарик, то есть Страна городов. Летопись уже не помнит времени возникновения на Руси многих городов – они были «изначала». Главнейшие города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Киев, Чернигов) все расположены на речных торговых путях и имели значение именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вот те несомненные данные о первоначальном быте славян, которые показывают, что последние были далеко не диким народом, что летописец впал в неточность, говоря, что в большинстве своем они «живяху звериньским образом», но, с другой стороны, у нас нет никакой возможности утвердить, что этот быт достигал высоких степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацию имели славяне? Разрешение этого вопроса вводит нас в интересную полемику.

Быт славян, несомненно, вначале был племенной. На первых страницах летописец постоянно называет их по племенам, но, читая летопись далее, мы видим, что имена полян, древлян, вятичей и т.п. постепенно исчезают и заменяются рассказами о волостях: «Новгородци бо изначала и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти (то есть волости) яко же на думу на веча сходятся», – говорит летописец и под именем этих «властей» разумеет не членов какого-либо племени, а жителей городов и волостей. Таким образом, быт племенной постепенно переходит в быт волостной. Это не подлежит сомнению; но нужно решить, из каких же мелких союзов состояли сперва племена, а затем волости. Какая связь скрепляла людей: родовая или соседственная, территориальная? Дерптский профессор Эверс в 1826 году издал книгу «Das aelteste Recht der Russen», в которой он впервые попробовал дать научный ответ на эти вопросы (его книга переведена и на русский язык). Во-первых, он отмечает у славян факт общего владения при отсутствии личной собственности; во-вторых, в летописи постоянно упоминается о роде: «живяху родом», «возста род на род». Святослав «имаше за убиенные, глаголя: яко род его возьмет»; и в-третьих, «Русская правда» умалчивает о личной поземельной собственности. На основании этих данных и создается теория, по которой славяне на первых ступенях жизни жили родом, составленным по образцу рода римского, то есть жили обществами, построенными на родовых началах; во главе рода стояла власть родовладыки – авторитет патриархальный. Со смертью родового патриарха родовая собственность не делилась, и движимое и недвижимое имущество все находилось во владении рода. Родовой быт действительно

исключал возможность личного владения. Теория Эверса была принята нашей «школой родового быта». Соловьев и Кавелин развили ее и перенесли в сферу политической истории.

Но когда родовая теория легла в основание всей нашей истории, она встретила беспощадного критика в лице известного славянофила К.С. Аксакова, выступившего со статьей «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», и историков-юристов Беляева и Лешкова. Они утверждают, что слово «род» в летописи употребляется не как римское «gens», что оно имеет несколько значений, так как иногда под ним подразумевается семья (в сказании о Кии, Щеке и Хориве), иногда род (в призвании князей); стало быть, народ, а с ним и летописец под этим словом понимали различные вещи. Общее же владение и отсутствие личного землевладения могут доказывать не родовые формы быта, а общинную организацию. Под ударами критики родовое учение потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой быт существовал лишь во времена глубокой древности – быть может, доисторические, – а затем заменился общинным. Учение об общине было развито Аксаковым и Беляевым. По их мнению, славяне жили общиной, не на основании физиологических, кровных начал, а на основании общего сожительства на одних и тех же местах и единства хозяйственных, материальных интересов. Общины управлялись властью избранных старшин, так называемым вечем. Мелкие общины, или верви, сливались в волости, которые были общинами уже политическими. В первоначальных рассуждениях об общине было много неопределенного. Гораздо удачнее, конкретнее поставил вопрос о первоначальном быте славян профессор Леонтович (его поддержал Бестужев-Рюмин). Взгляды Леонтовича известны под названием теории задружно-общинного быта. По этой теории родственные славянские семьи не принимали строгой родовой организации, но жили, не забывая своего физического родства, уже на началах территориальных, соседственных. Образцом подобного рода общин была Сербская задруга. В трудах позднейших этнографов (г-жи А.Я. Ефименко и др.) указано было на существование своеобразных общин архаического склада и у русских людей в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не кровный быт.

Если же славяне не знали исключительно кровного быта и слагались в общины по интересам хозяйственным, то очень легко объяснить себе, как и почему так скоро распался племенной быт и заменился волостным. Города становились центрами для известной области (волости), которая жила общим хозяйственным интересом и смотрела на город как на свое средоточие. Так, Новгород притянул к себе часть кривичей, Киев – не только полян, но и древлян, Чернигов – северян и вятичей. Таким образом, границы города и его волости не совпадали с границами племен. Племенной быт стал разлагаться, яснее становилось городское устройство, при котором города, имея свое вече, посредством его управляли и волостями. Однако рядом с вечем, независимо от призвания варяжских князей, в различных местностях Руси мы видим существование княжеской власти. В Полоцке был свой князь, у древлян были князья, о которых летописец говорит, что они «добре суть». Аскольд и Дир были не кем иным, как такими местными князьями, неизвестно откуда пришедшими. Олег уничтожил их, но он же требовал с греков дани не только на дружину свою, но и на города: «По тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».

Трудно объяснить власть и происхождение этих князей, из которых одни носят характер городских охранителей, другие – племенных вождей. Несомненно одно: что русские славяне на первых порах составили ряд мелких политических миров и управлялись двумя властями – властью городских вечей и властью городских и племенных князей. На рубеже IX и X веков эти мелкие миры были соединены в одно политическое тело силами и способностями новгородского князя Олега.

Киевская Русь

Образование Киевского княжества

Вопрос об образовании одного княжения (Киевского) приводит нас к вопросу о варягах-руси, которым приписывается водворение на Руси политического единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покоровшие сперва Новгород, а затем и Киев? Вопрос этот возник в русской историографии уже давно, но исследования за сто пятьдесят лет настолько осложнили его, что и теперь разрешать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двух местах летописи, местах важных, которые, в сущности, и породили варяжский вопрос: 1) летописец, перечисляя племена, жившие по берегам Балтийского моря, говорит: «По сему же морю Варяжскому (то есть Балтийскому) сядят варязи», а соседи их «свеи, урмане (норвежцы), готе, русь, англяне». Все это северогерманские племена, и варяги поставлены среди них; о славянах же балтийских говорится в другом месте; 2) далее в рассказе летописца о призвании князей читаем: «Идоша за море к варягам-руси, сице бо ся зваху тьи варязи-русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же англяне, урмане, друзии готе, тако и си». Таким образом, по словам летописи, из варягов одни назывались русью, другие англянами, урманам и т.д.; летописец, очевидно, думает, что варяги-русь есть норманны. На основании этих и других показаний летописи стали искать более точных сведений и увидели, что варягов знал не только наш летописец, но и греки. Слово «варяг» писалось с юсом и, стало быть, произносилось как «варенг». Такое слово встречается и у греческих писателей и служит совершенно определенным понятием – у греков под именем Варрауої (варанги) разумелись наемные дружины северных людей, пришедших с острова Туле (в Британии) и служивших в Византии. С тем же значением северных дружин встречается слово Waeringer (варанги) и у летописца средних веков; арабские писатели также знают варангов как норманнов. Следовательно, варанги представляют собой нечто вполне определенное в смысле этнографическом – сборную дружину норманнского происхождения. В последнее время удалось, как кажется, определить точно и родину варягов, то есть страну Варангию. Удалось это главным образом благодаря одному известию, найденному и напечатанному профессором Васильевским в его статье «Советы и ответы византийского боярина XI века». Этот византийский боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норвежцы и варяги. Этот вывод очень важен в том отношении, что раньше была тенденция толковать слово «варанги», как техническое название бродячего наемного войска (варяг – враг – хищник – бродячий); на основании такого понимания Соловьев нашел возможным утверждать, что варяги не представляли отдельного племени, а только сбродную дружину и не могли иметь племенного влияния на славян.

Итак, варяги – норманны. Но этот вывод еще не решает так называемого «варяго-русского» вопроса, потому что не говорит нам, кто назывался именем русь. Летописец отождествил варягов и русь, теперь же ученые их различают – и для этого имеют свои основания. У иностранных писателей русь не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов. Древние арабские писатели не раз говорят о народе русь и жилища его помещают у Черного моря, на побережье которого указывают и город Русию. В соседстве с печенегамы помещают русь в Черноморье и некоторые греческие писатели (Константин Багрянородный и Зонара). Два греческих жития (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), разработанные В.Г. Васильевским, удостоверяют присутствие народа русь на Черном море в начале IX века – стало быть, ранее призвания варягов в Новгород. Ряд других известий также свидетельствует о том,

что варяги и русь действуют отдельно друг от друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя Русь принадлежало не варягам, а славянам и всегда обозначало то же, что оно значило в XII веке, то есть Киевскую область с ее населением. Так и склонен решать дело Д.И. Иловайский. Есть, однако, известия, по которым считать русь славянским племенным названием нельзя.

Первое из этих известий – знаменитые Вергинские летописи, составлявшиеся в Карловой монархии. В них говорится, что в 839 году цареградский император Феофил отправил послов к Людовику Благочестивому, а с ними людей «Rhos vocari dicebant» – то есть людей, назвавших себя россами и посланных в Византию их царем, называемым Хаканом. Людовик спросил у них о цели их прихода; они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Людовик заподозрил их в шпионстве и стал разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежат к шведскому племени. Таким образом, в 839 году россов относят к шведскому племени, чему в то же время как будто противоречит имя их царя Chacanus – Хакан, вызвавшее много различных толкований. Под этим именем одни понимают германское, скандинавское имя Гакон, другие же прямо переводят это «Chacanus» словом «каган». Во всяком случае, известие Бертинских летописей сбивает до сих пор все теории. Не лучше и следующее известие – писатель X века Лиутпранд Кремонский говорит: «Греки зовут russos тот народ, который мы зовем nordmannos, по месту жительства», – и тут же перечисляет народы: «печенеги, хазары, русы, которых мы зовем норманнами». Очевидно, автор окончательно запутался: вначале он говорит, что русь – это норманны, потому что они живут на севере, а вслед за тем помещает их с печенегами и хазарами на юге России.

Таким образом, определяя варягов как скандинавов, мы не можем определить руси. По одним известиям русь – те же скандинавы, по другим – русь живет у Черного, а не у Балтийского моря, в соседстве с хазарами и печенегами. Самый надежный материал для определения национальности руси – остатки ее языка – очень скуден. Но на нем-то главным образом и держится так называемая норманнская школа. Она указывает, что собственные имена князей руси – норманнские: Рюрик, Аскольд, Трувор, Игорь, Олег, Ольга, Рогволод; все эти слова звучат по-германски. Название Днепровские пороги у Константина Багрянородного приведено по-русски и по-славянски; имена русские звучат не по-славянски и объясняются из германских корней (Ессупи, Ульворси, Геландри, Ейфар, Варуфорос, Леанти, Струвун); напротив, те имена, которые Константин Багрянородный называет славянскими, действительно славянские (Островунипрах, Неясит, Вулнипрах, Веруци, Напрези). В последнее время некоторые представители норманнской школы, настаивая на различии руси и славян, ищут руси не на скандинавском севере, а в остатках тех германских племен, которые жили в первые века нашей эры у Черного моря; так, профессор Будилович находит возможным настаивать на готском происхождении руси, а самое слово «русь» или «рось» производит от названия готского племени Hroth (приносится «грос»). Ценные исследования Васильевского давно шли в том же направлении, и от их продолжателей можно бы ждать больших результатов.

В таком состоянии находится ныне варяго-русский вопрос (доступнейшее его изложение – в труде датского ученого Вильгельма Томсена, русский перевод которого – «Начало Русского государства» – издан отдельной книгой и в «Чтениях Московского общества истории и древностей» за 1891 год, книга 1). Наиболее авторитетные силы нашей научной среды все держатся воззрений той норманнской школы, которая основана еще в XVIII веке Байером и совершенствовалась в трудах позднейших ученых (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевского). Рядом с учением господствующим давно существовали и другие, из которых большую пользу для дела принесла так называемая славянская школа. Представители ее начиная с Ломоносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далее Геденовым и, наконец, Иловайским пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не раз пересматривать вопрос и привлекать к делу новые

материалы. Книга Гедеонова «Варяги и русь» заставила многих норманнистов отказаться от смешения варягов и руси и тем самым сослужила большую службу делу. Что касается до иных точек зрения на разбираемый вопрос, то о них можно упомянуть только для полноты обзора. Костомаров одно время настаивал на литовском происхождении руси, Щеглов – на происхождении финском.

Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племени принадлежали первые русские князья с их дружиною, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков – славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собою ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о пришествии в Новгород варяга Рюрика с родом по имени русь. Если, с другой стороны, в Новгороде и осел посторонний славянам князь, то это был один из многих местных князей, и не с него следует начинать историю политической власти, подчинившей себе всю землю русских славян.

Мы уже видели, что племенной быт славян постепенно переходил в более волостной: город делался центром для окружающих его общин, приобретал влияние и власть над ними. Городские веча и их старейшины («старцы градские») были первою политической властью у славян, и рядом с нею существовала по местам (в городах и у племен) власть князей, имевших значение только в одном городе, у одного племени. Так возникло много маленьких политических миров, которые в IX веке были частью подчинены чуждой власти: южные славяне платили дань хазарам, северные были завоеваны варягами, бравшими с Новгорода дань. Если верить летописи, Новгород раньше других сверг чужую власть и создал свою в лице добровольно принятых князей из тех же варягов. Затем новгородские князья освободили от хазар и Южную Русь, объединив славян под своей властью. Так создалось у русских славян одно государство с центром в Киеве.

Что образование единого киевского княжения произошло именно так, доказывается следующей подробностью похода Олега, новгородского князя, на Киев. Олег, отправляясь из Новгорода, занимает Смоленск, и только; но со Смоленском подчинились ему и все кривичи, которые тянули к этому городу; следовательно, город в данном случае увлек с собою и часть племени. Завоевав затем Киев, Олег этим подчинил себе часть полян и древлян. Очевидно отсюда, что племенной быт изменяется в быт городской раньше, чем в Киеве появились князья. Изучая этот городской быт, бывший первой стадией политической жизни наших предков, мы подмечаем в нем признаки определенной власти: мы видим в городах каких-то старейшин. Это, как называет летопись, «старцы градские», происхождение и власть которых до сих пор толкуются различно, и теперь еще не выяснено, представляют ли они выборную власть, созданную общиной, или же вообще людей высшего общественного класса. Школа родового быта понимала этих «старцев градских» как родовладык, в силу своего физического старейшинства пользовавшихся властью. Некоторые историки-юристы в «старцах» видели земских бояр, то есть городскую знать, высокое положение которой основывалось на ее крупном землевладении (Владимирский-Буданов). Профессор Ключевский этих «старцев» понимает как городское правительство из крупнейших представителей торгово-промышленного класса, державшего в своих руках главный капитал страны и составлявшего так называемую торговую аристократию.

Как ни понимать происхождение этих «старцев», ясно одно: что в данном случае мы имеем дело с высшим классом докняжеского общества.

Рядом со старшинами в городах Древней Руси стоит вече, то есть собрание полноправных граждан города, домохозяев, глав семей (не выделенные сыновья на вече ходить, кажется, не могли). Желая пояснить функции вечевых собраний, летописец говорит, что горожане «сходятся на вече, как на думу; и на чем порешат старшие города, на том станут и пригороды». Это подтверждает отчасти мнение, что вече имело не только хозяйственно-экономическое значение для своего города, но и политическое для всей волости.

Иногда политические функции вече разделяло с князьями, появлявшимися в городах. Такими местными князьями были Аскольд и Дир в Киеве, Рогволод в Полоцке, Мал у древлян. Так обнаруживается с большою ясностью первая стадия политического быта славян, которую застала при своем появлении норманнская династия Рюрика, давшая начало второй стадии – княжению киевскому.

Происхождение этой династии в общих чертах таково. В VIII–IX веках весь север Европы делается жертвою норманнских военных шаек, которые под предводительством витязей и князей нападали на туземцев и организовывали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются на великом водном пути «из варяг в греки» и оседают в северных славянских городах. Эти князья и витязи представляют из себя на первых порах вооруженных искателей приключений, охраняющих за известную плату город и волостные границы (такой характер их деятельности был замечен давно, еще Шлецером). Один из этих князей, наиболее сильный, не ограничился владением одной своей волостью, а стал покорять себе другие и мало-помалу соединил под своею властью все восточные славянские племена. Так постепенно составилось Киевское княжество – не из одного города, но из всех городов, лежащих по Днепру. Такова была вторая форма политической жизни Древней Руси.

Посмотрим, что рассказывает об этом летописец. Он передает нам, что первоначально славяне были в постоянной борьбе друг с другом, и вот, наскучив этими внутренними раздорами и неурядицами, они отправили к варягам (к варяжскому племени русь) послов с знаменитой фразой: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да поидите княжити и владеть нами». И пришли три брата «с роде своими, пояша по себе всю русь», то есть три брата со всем племенем русь переселились к славянам. Старший из них – Рюрик – срубил себе город Ладогу и т.д. Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно схожее с нею сказание английского летописца Видукинда, что бритты отправили к англо-саксам своих послов почти с теми же словами. Вот почему сложился взгляд, понимающий это предание летописи как эпический, а не исторический рассказ.

Когда умер Рюрик, власть перешла в руки чрезвычайно энергичного и талантливого князя – Олега. Олег не долго пробыл на севере, он спустился по великому водному пути, покорил все племена, на нем жившие, и успел счастливо, без особенных усилий завладеть Киевом, а владение Киевом было чрезвычайно важно в том отношении, что киевский князь держал в своих руках главный узел торговых сношений с греками.

Так образовалось Киевское княжество, объединившее политически большую часть племен русских славян.

Замечания о первых временах Киевского княжества

Обратимся к изучению истории Киевского княжества. Образование государств может совершаться различно. Может быть так, что известное общество складывается естественно: под влиянием мирной деятельности хозяйственных заимок постепенно обозначаются те или другие границы занятой племенем территории; слагаются определенные общественные связи и затем в обществе выделяется правящий класс, господствующий обыкновенно в силу знатности происхождения или своего экономического преобладания. Всеобщая история показывает нам развившееся таким образом кельтическое общество, в котором создался ряд вполне определенных отношений экономического характера, и в силу этих отношений во главе общества, как его вожаки, стали лица, имеющие большое количество земли и рабочего скота. Это и была аристократия, господствующий класс, который мало-помалу приобрел полное преобладание. Таков был рост общества, совершавшийся в силу кровных и экономических связей. Но бывает и иначе. Известное общество уже сложилось, в нем образовалась или образуется политическая власть, но вдруг является неприятель, захватывает в свои руки путем открытого насилия политическое преобладание и власть, а вместе с этим перерабатывает и все прежние общественные отношения. Так было в Западной Римской империи, когда в нее вторглись германцы, заняли первое место в старом обществе и захватили себе земли. Экономический порядок, который существовал здесь раньше, перестроился к выгодам господствующего класса.

Который же из этих порядков имел место в Киеве? Мы видим, что племенной быт славян естественно изменился в волостной и в этом уже сложившемся организме общественной жизни возникла власть варяжских князей. Чрезвычайно важно определить, отразилось ли влияние этих князей с их дружинами на общественных отношениях славян или нет. Судя по историческим данным, мы скорее можем сказать – нет. Влияние варягов было крайне ничтожно; они не нарушили общего порядка прежней общественной жизни. В таком случае невольно возникает вопрос: какую же роль играли князья, в чем заключалась их деятельность и какова была их власть? Власть их была настолько неопределенна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить в готовые формулы. Вообще говоря, теория государственного права различает три главных вида политической власти. Первый вырастает на основании кровных связей следующим путем: постепенно развивается аристократический (господствующий) род, и его родовладыка признается родовладыкою и вместе политической властью всего племени. Такой власти присвоено название власти патриархальной, она является у народов кочевых и полукочевых. Второй вид есть так называемая вотчинная, или патримониальная, власть: известное лицо считает своею собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти наблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV веков в очень чистой форме. Третий тип власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основе, а на основании более сложном. Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием. И такой момент был в истории Руси впервые в XVI веке. Что же касается до власти варяжских князей, то она, в сущности, не подходит ни к одному из указанных типов: во-первых, варяжские князья не могли у нас господствовать в силу кровного начала; во-вторых, они не считали землю своею собственностью, и, в-третьих, самое понятие земли Русской впервые слагается на глазах истории в устах прежде всего князя Святослава, который говорил своим воинам: «Не посралим земли Русской!». Киевские князья, в сущности, представляют собою защитников страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля. Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князей заключается в том, во-первых, что они устанавливают внешний порядок в

стране; во-вторых, «рубят» города, сажают на них своих наместников и, в-третьих, собирают с населения дань. Последнее делалось таким образом: или покоренные племена сами везли дань в Киев на княжеский двор – это так называемый повоз, или же князь сам с дружиной отправлялся за нею – это так называемое полюдь. Константин Багрянородный сообщает об этом следующие интересные подробности: в ноябре месяце, как только устанавливался зимний путь, киевские князья отправлялись на полюдь по всем своим волостям; собирали они дань большею частью натурою, тут же чиня суд и расправу. В этом блуждании проходила целая зима, и лишь в апреле, когда вскрыется Днепр, князья возвращались в Киев, а за ними везли дань, которую тотчас же перегружали на ладьи, а затем отправляли в Константинополь для продажи. Во время таких путешествий князья основывали города на окраинах земли или устраивали определенные административные центры. О том, как Ольга собирала дань, летописец говорит: «В лето 6455 иде Вольга Новугороду и устави в Месте погосты и дани». Игорь, как нам известно, погиб во время сборов дани. Князья управляли совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости, и в каждой волости сидел наместник – «княжий муж», власть которого была приблизительно такая же, как власть князя; наместники тоже собирали дань, и иногда даже успешнее князей; по крайней мере, дружина Игоря говорит: «Отроки (то есть дружина) Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази» (Свенельд – один из дружинников Игоря).

Вот первая функция киевских князей. В этом периоде деятельность князей определяется улучшением городской администрации, судов и собиранием дани. Кроме того, князья обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. В то время как нарождалось Киевское княжество, внешние враги с Востока не могли тревожить Руси. Племена хазар выдерживали свою последнюю, предсмертную борьбу с печенегами и уграми и закрывали от них Русь. Но печенеги мало-помалу сломили силу хазар, а затем пробрались в южные степи, в Поднепровье. Против них киевские князья и принимали ряд мер: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укреплена. Один из западных миссионеров, монах Бруно, бывший в Киеве в 1007 году, дает ее описание: она представляется ему крепким частоколом с воротами. Русский князь (Владимир) сам проводил этого миссионера до ворот и сказал ему, что тут кончается его земля. Наконец, очень сложная задача князей заключалась в покровительстве торговле Русь в VIII–IX веках торговала с Востоком, преимущественно с арабами; но когда появляются печенеги, эти сношения прекращаются, и у Руси остается один торговый путь – с Византией через Днепровские пороги и Черным морем до Босфора. Но путь этот был крайне опасен: печенеги, сидевшие в низовьях Днепра, грабили русские караваны; вот против них-то и направлялись силы князей. Обыкновенно с княжескими караванами шли и частные, их сопровождала дружина, которая в опасных местах высаживалась и прогоняла печенегов, стороживших богатую добычу, затем караваны благополучно достигали Византии. Проводить караваны из Киева в Византию и обратно было прямою обязанностью князя. Из договоров киевских князей с греками, дошедших до нас, мы можем заключить, во-первых, что торговые сношения русских с Византией были уже весьма развиты и хорошо регламентированы и, во-вторых, что отношения к Византии были не всегда мирные: до XII века мы насчитываем походов шесть–семь – Аскольда и Дира, Олега и последующих князей; походы эти заканчивались мирными договорами, все эти договоры носят торговый характер (во время подобных походов греки знакомились с русскими людьми и, нужно заметить, строго различали славян от руси).

Вот все, что мы можем сказать несомненного о характере деятельности и власти первых русских князей. Историческое значение их деятельности нетрудно уловить. Будучи первою общею властью среди многих разрозненных раньше миров, варяжские князья с их дружинами были первыми представителями племенного единства. Передвигаясь с места на место по Русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых предприятиях, князья

создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. Сплотив государство внешним образом, они создавали и возможность внутреннего сплочения.

Другим, более могучим фактором объединения послужило христианство. Первыми представителями его у славян были, кажется, те же варяги, которые очень легко забывали свои божества под влиянием и христианства, и славянских языческих представлений. В X веке среди русских славян – еще до Владимира – христианство было уже заметно распространено: крестилась княгиня Ольга, среди Игоревой дружины было много христиан, как это видно из договора с греками; еще до формального крещения Руси в Киеве уже есть соборная церковь св. Илии. Христианство проникло к славянам одновременно с варягами (В.И. Ламанский думает даже, что непосредственно от святых Кирилла и Мефодия), но окончательно оно восторжествовало при Владимире. Рассказ летописи о крещении Руси передает дело таким образом: к великому князю Владимиру, узнав, что он хочет менять свою веру, приходили послы от разных народов – немцев, хазарских евреев, болгар – и каждый хвалил свою веру, но ни одна из них не понравилась Владимиру. Наконец пришли греки и, изложив историю Ветхого и Нового завета, показали ему картину Страшного суда. Под влиянием этой картины Владимир, посоветовавшись с дружиной и «старцами градскими», отправляет послов в те государства, откуда приходили к нему проповедники. Послы, вернувшись, восхваляли греческую веру, они говорили, что «всяк бо человек, аще искусит сладка, последи горести не принимает», так и они, видевши греческое богослужение, не хотят опять вернуться к язычеству. После этого Владимир пошел с войском на Корсунь, осадил город и там принял христианство, женившись на греческой царевне Анне. Есть данные, что рассказ этот был составлен в начале XII века, в эпоху существования Иерусалимского королевства. Ясно, что мы имеем дело с преданием, как оно слагалось в умах русского народа через столетие после факта крещения Руси. Любопытно то явление, что об этом факте крещения сказания иностранцев не дают нам ничего точного; крещение Руси прошло незамеченным даже в Византии, а любопытнейшие показания араба Яхьи Антиохийского о походах Владимира и крещения еще недостаточно разобраны и истолкованы.

Достоверно, однако, то, что христианство в конце X века становится на Руси господствующей религией и оказывает громадное влияние на общество, даже на такие стороны его жизни, которые, по-видимому, имеют мало общего с религиозным мировоззрением народа.

Для того чтобы уяснить себе, до какой степени отразилось уничтожение язычества на всей внутренней жизни наших предков, нужно бросить общий взгляд на культурное состояние тогдашнего Киевского княжества. Киевское княжество не представляло собою одной сплотившейся национальности с однообразным уровнем культуры. Напротив того, быт населения был крайне разнообразен: в то время как племена древлян и вятичей пребывают в примитивной форме племенного «звериньского» быта, племена, селящиеся по Днепру (к низовью), потеряли племенную, кровную связь и приобрели связь экономическую, основанную на единстве материальных интересов, а вместе с тем сделали и заметные культурные успехи. При неравномерном развитии культуры и общественный строй не принимал однообразных, определенных форм.

О первоначальном составе киевского общества мы имеем следующие сведения. Судя по летописи и другим историческим памятникам, около князей стоят в качестве сотрудников и советников «княжие мужи» – это дружина, с помощью которой князь правил страной и собирал дань. Дружина представляет собою высший, привилегированный класс общества. Но в киевском обществе есть и еще привилегированные лица, стоящие независимо от князя, – это «старцы градские». Что «старцы градские» представляют собою высший класс, мы уже видели, но мы видели также, что нельзя определить, на какой почве он вырос. Мы не знаем, есть ли это крупные землевладельцы, или торговые капиталисты, или племенные старшины – родовладыки, или выборные городские власти, которые не в силу своего имущественного преобладания, а по выбору общин занимают выдающееся положение в стране. Последняя полемика

относительно «старцев градских» развилась в 80-х годах нашего столетия между крупными авторитетами – В.О. Ключевским и М.Ф. Владимирским-Будановым. Ключевский полагает, что весь строй Киевской Руси обуславливался торговлей, которую русские вели сперва с Востоком, потом с Византией, и что «градские старцы» представляли собою людей, через руки которых проходили все торговые обороты, – иначе говоря, крупнейших капиталистов страны. Владимирский-Буданов смотрит на «старцев» как на богатых землевладельцев, которые именно потому и богаче других, что на их земле кормится масса народу, – они представляют собою высшее общество. Нельзя с уверенностью сказать, которое из этих двух мнений правильнее; пока несомненно только то, что те «старцы», с которыми советуется Владимир, – земская аристократия, положение которой совершенно не зависит от князей.

Около князей мы видим еще младшую дружину – отроков, гридей. Дружина старшая и младшая представляла собою первый – так сказать, привилегированный – класс. Кроме того, в состав киевского общества входили еще «люди»: а) горожане (люди градские) и б) сельчане (смерды) – это свободное сословие и, наконец, третий класс: – в) рабы (холопы). Эти общественные группы: 1) высший класс, 2) свободных людей и 3) рабов – мы находим у всех народов арийского племени даже во время глубокой древности; следовательно, судя по своей простой группировке, киевское общество стоит не на высокой степени развития.

Также мало развита была и их религия. Религия славян в общих чертах была такова: славяне имели две категории божеств. Первые олицетворяли собою природу, вторые – души предков. У славян они, несомненно, существовали одновременно. Имена общеизвестных Хорса, Дажьбога и Стрибога встречаются в преданиях руси даже до XII века. Автор «Слова о полку Игореве» еще верит «великому Хрьсови», ветры зовут «Стрибожи внуци», а людей – «Дажьбожьими внуками». Гораздо менее известны боги другой категории: покровители родовых союзов – Род, Рожаница, Домовой и Щур. Внешний культ выражался в жертвоприношениях, для которых не было, кажется, определенных мест, и приносил жертвы кто хотел, – вероятнее всего, родовладыки за свой род. Жрецов как сословия не было, а это первый признак недостаточно развитого религиозного культа. Перечитывая страницы летописи, мы встречаем постоянные указания на эту неразвитость; например, лишь в X веке Владимир ставит идолов в Киеве, а до того времени летопись молчит о них; следовательно, внешнюю форму религия славян стала принимать на памяти истории.

При такой неформленности общественного быта и невыработанности религиозного сознания христианству легко было влиять на умы молодого племени. Учение Христа встречалось на Руси с нетвердым языческим мирозерцанием, а православная иерархия столкнулась с общественным порядком, еще малоустойчивым. Если мы примем во внимание, что русская среда и до Владимира была знакома с христианством Византии, если мы будем помнить, что христианское вероучение принесено было на Русь на языке славянском, то мы объясним себе факт быстрых успехов новой веры в Киевской Руси и поймем, почему эта вера глубоко повлияла на быт наших предков. Это влияние не ограничилось тем, что раскрыло языческому миру блага христианской морали и, установив церковь, дало нашим предкам возможность достигать духовного совершенствования в церковном обществе, – новая религия влияла и на гражданский быт славян, на их государственные представления, она создала возможность высокой культуры, она была могучим средством для пробуждения национального сознания...

Киевская Русь в XI–XII веках

Принятие христианства с его многообразными последствиями представляет собою в истории Киевской Руси тот рубеж, который отделяет древнейшую эпоху от так называемой эпохи удельно-вечевой. Изучая период дохристианский, мы приходим к тому заключению, что единое государство в то время не было; Русь несколько раз дробилась на княжества (после Святослава, Владимира Святого). При жизни князя-отца сыновья сидели наместниками в главных городах и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила к тому, что в конце концов восстанавливалось единое государство. Братья, враждуя из-за наследства, обыкновенно истребляли друг друга. После такой борьбы между сыновьями Святого Владимира Русь разделилась на две части: по левую сторону Днепра владел Мстислав, по правую – Ярослав. По смерти же Мстислава Ярослав владел всей землей; умирая (1054) он разделил землю таким образом: старшему сыну, Изяславу, дал Киев и Новгород, то есть два конца торгового пути (очевидно, что Изяслав был самый богатый, самый могущественный князь), второму сыну, Святославу, – Чернигов, третьему, Всеволоду, – Переяславль (недалеко от Киева), четвертому, Вячеславу, – Смоленск, пятому, Игорю, – Владимир-Волынский; но у Ярослава был еще внук от старшего сына, Владимира Ярославича, доблестный Ростислав, о котором сложилось много легенд, – ему Ярослав ничего не дал.

Тогда Ростислав бросился сам на Тмутаракань, захватил ее и оставил за собою. Ярослав велел почитать Изяслава как старейшего, но Изяслав не сумел поддержать свой авторитет, восстановил против себя киевлян, которые его изгнали. Возвратясь затем в Киев, Изяслав был вторично изгнан оттуда братьями; он бежал на запад; киевский стол занял Святослав и княжил там до смерти. Затем Киев опять переходит к Изяславу, а Чернигов в это время достается Всеволоду. После смерти Изяслава киевский престол занял Всеволод, а второй город – Чернигов – Всеволод отдал своему старшему сыну Владимиру. Детей Святослава он совсем вычеркнул из общего наследия, как изгоев, которые не имели права на великокняжеский престол, ибо отец их не мог бы стать великим князем, если бы соблюдал старшинство и не прогнал с престола старшего брата своего, который его пережил. В 1093 году умер Всеволод, оставив после себя сына Владимира, прозванного Мономахом по имени своего деда со стороны матери. Владимир не встретил бы препятствий со стороны киевлян, если бы захотел занять отцовский великокняжеский престол, но, не желая новых усобиц и соблюдая родовое старшинство, Мономах предоставляет киевский стол старшему из своих двоюродных братьев, Святополку Изяславичу, который, как старший в роде, имел на великокняжеский стол все права. Этот князь, однако, не умел соблюдать спокойствие в Русской земле и потому не пользовался народным расположением; во время его княжения Святославичи, признанные изгоями со стороны своих дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности и заявили притязание на черниговский стол, занятый Мономахом. После долгих смут Любечским съездом 1097 года права Святославичей на Чернигов были восстановлены, и вместе с тем съезд поделил все русские волости между князьями на началах справедливости. Но справедливость была вскоре попрана главным ее блюстителем, Святополком, который вместе с Давидом Игоревичем совершил известное насилие над Васильком. Это насилие повлекло за собой новые усобицы, для прекращения которых был назначен новый съезд. В 1100 году в городе Уветичах, или Витичеве, Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собой союз для восстановления мира на Руси.

Когда Витичевским съездом был водворен порядок во внутренних делах, тогда стало возможно подумать и о делах внешних – о борьбе с половцами. Владимир и Святополк съехались на берегу Долобского озера (1103) и решили двинуться общими силами на половцев. Эти съезды – Любечский, Витичевский и Долобский – показывают нам, что в важных спорных

вопросах князя – внуки Ярослава – прибегают к съездам как к высшему учреждению, имеющему право безапелляционного решения. События же, их вызвавшие, свидетельствуют, что Русь во время княжения Святополка не пользовалась спокойствием и что нарушителем этого спокойствия часто был сам великий князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113) даже летописец, всегда готовый хвалить покойного князя, хранит о нем полное молчание.

После смерти нелюбимого князя киевляне посылают звать на великокняжеский престол Владимира Мономаха, но Мономах, не желая нарушать раз признанных прав Святославичей, отказывается от великокняжества. Однако киевляне, не любившие Святославичей, не принимают ни Святославичей, ни отказа Мономаха и отправляют к нему новое посольство с тем же предложением, угрожая возмущением в случае его упорства, и тогда Владимир вынужден был согласиться и принять Киев. Так воля граждан нарушила права старшинства, передав их в руки достойнейшему помимо старейшего. Однако это нарушение старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новые усобицы, и если при жизни сильного и всеми любимого Мономаха Святославичи должны были затаить свою ненависть к невольному похитителю их прав, то они передали эту ненависть своим детям; она-то и послужила причиной кровавых усобиц между потомством Святослава и потомством Всеволода, но эти усобицы произошли значительно позднее. Потомки Святослава Черниговского не препятствовали тому, чтобы после смерти Мономаха (1125) занял киевский стол сын его Мстислав. Да и не легко было оспаривать у него великокняжеский стол: Святославичи, по тогдашним понятиям, потеряли свои права на Киев, оттого что не противились занятию киевского стола Мономахом; этим они понизили род свой перед родом Мономаха и утратили не только в настоящем, но и в будущем всякое право на великокняжеский стол. Со стороны черниговских князей также не последовало возобновления притязаний на Киев и тогда, когда (в 1132 году) Мстислав умер и старшинство перешло в руки брата его, Ярополка Владимировича, что вполне согласовалось с желанием киевлян, которые не хотели никого, кроме Мономаховичей. Черниговские князья не могли протестовать, ибо они были бессильны, пока мир господствовал в роде Мономаха. В княжение Ярополка, однако, этот мир был нарушен. Перед смертью Мстислав обязал своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну, Всеволоду Мстиславичу. Вступив на великокняжеский престол, Ярополк поспешил исполнить предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствие со стороны младших сыновей Мономаха – Юрия Ростовского и Андрея Владимиро-Волынского. Узнав о перемещении племянника в Переяславль, они сочли это шагом к старшинству помимо их (у князей Киевской Руси XI–XII веков было лестничное восхождение со стола менее важного на стол более важный, и так до Киева) и поспешили выгнать Всеволода из Переяславля. Тогда Ярополк водворил туда второго Мстиславича – Изяслава, княжившего в Полоцке. Но и это распоряжение не успокоило младших князей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего князя киевского. Чтобы успокоить братьев, Ярополк вывел и Изяслава из Переяславля и послал брата своего, Вячеслава, но тот скоро сам оставил эту область, и она была уступлена Юрию Ростовскому.

Враждою между дядьями и племянниками в потомстве Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и решились предъявить свои права на великое княжение. Обстоятельства сложились благоприятно для Святославичей: Ярополк Владимирович скончался в 1139 году и место его заступил брат его, Вячеслав, человек бесхарактерный и неспособный. Таким ничтожеством великого князя воспользовались Святославичи в лице Всеволода Ольговича; он подступил к Киеву; Вячеслав не мог сопротивляться и уехал в Туров, а Всеволод занял его место. Довольно понятно, почему Мономаховичи допустили внука Святослава занять старший стол, – линия Мономаха в это время не имела главы, все старшие Мономаховичи (Вячеслав, Юрий, Андрей) были слабые, неэнергичные люди, и единственный предприимчивый человек, могущий защищать интересы своего рода, был старший сын старшего Мономаховича – Изяслав Мстиславич Владимиро-Волынский, но он находился во вражде со старшими членами рода

и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужем за князем Всеволодом Ольговичем, а по понятиям того времени старший зять почитался за отца.

В 1144 году Всеволод Ольгович в присутствии Ольговичей, Давидовичей и одного Мономаховича – Изяслава Мстиславича – объявил, что поступок Мономаха и сына его Мстислава, которые, не обращая внимания на род Святослава, отдали Киев один – сыну своему, другой – брату, дает ему право передать старшинство своему брату Игорю помимо Мономаховичей. Со всех присутствующих была потребована клятва в признании Игоря Ольговича на столе киевском. Такая же клятва была взята и с киевских граждан в 1146 году, но клятва эта была скоро нарушена. Едва Игорь сел на стол, как киевляне отправили посольство звать на киевский стол Изяслава Мстиславича. Последний немедленно двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода, как мужа старшей сестры своей, но что других Ольговичей на киевском столе не потерпит. Киевляне перешли на его сторону. Игорь был взят в плен и погиб, а Изяслав занял великокняжеский стол.

В лице Изяслава род Мономаха снова восторжествовал над родом Святослава. Но самовольный захват Изяславом киевского стола вооружил против него двух старших Мономаховичей, двух его дядей, – Вячеслава, который некогда сидел в Киеве, но был изгнан Всеволодом Ольговичем, и Юрия, князя Ростовского. Юрий, недовольный тем, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, начал с Изяславом борьбу и одержал верх. Изяслав удалился во Владимир-Волынский, а в Киеве стал княжить Юрий. Но и он не долго удержал за собой киевский стол; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себе Киев, а чтобы обеспечить себя от обвинений в незаконном захвате престола, он пригласил в Киев старшего дядю, Вячеслава, который, довольствуясь почетом, предоставил всю власть племяннику. Но Юрий не оставил своих притязаний на Киев, несмотря на то что Изяслав обставил дело вполне законно, воспользовался первой удобною минутой и подступил к Киеву. Изяслав и Вячеслав оставили город, и Юрий вторично завладел им, но опять-таки ненадолго. Киевские граждане любили Изяслава и при первом его появлении перешли на его сторону. Юрий снова уехал из Киева, а Изяслав, верный прежнему намерению, стал княжить именем Вячеслава. В 1154 году Изяслав умер; престарелый Вячеслав вызвал другого своего племянника, Ростислава Смоленского, и киевляне присягнули ему, заключив, однако, договор, что он будет чтить своего дядю Вячеслава, как делал это его покойный брат. После же смерти Вячеслава киевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тут снова вступает Юрий, и престол в третий раз переходит к нему.

В 1157 году Юрий умирает, и киевляне, не любившие этого князя, хотя он и был Мономахович, снова зовут на киевский стол Изяслава Давидовича, но один из младших Мономаховичей, Мстислав Изяславич Владимиро-Волынский, опасаясь, что киевский стол уйдет из рук Мономаховичей, изгнал Изяслава из Киева и водворил там своего дядю Ростислава, а после смерти его в 1168 году сам занял великокняжеский престол. В то же время претендентом на старшинство является сын Юрия Андрей, которого Мстислав обошел, как раньше отец его Изяслав обошел дядю своего Юрия. Одинаковые отношения вызвали одинаковые последствия – упорную вражду. Победа в этой борьбе осталась на стороне Андрея; в 1169 году Киев был взят, а Мстислав удалился в свою Волынскую область. Киев был ограблен и сожжен, и сам победитель не остался в нем, а ушел на север...

Колонизация Суздальско-Владимирской Руси

В XII веке, когда вследствие княжеских усобиц и половецких опустошений начинается упадок Киевской Руси, неурядицы киевской жизни вызывают передвижение населения от среднего Днепра на юг и северо-восток, от центра тогдашней Руси – Киева – к ее окраинам.

На северо-востоке русские переселенцы попадают в новые места, в страну с иным географическим характером, чем Поднепровье. Особенности этой страны создают постепенно и новые черты в физическом типе колонистов, и новые социальные и экономические порядки в их быту. Занятая русскими на северо-востоке местность – это страна между верхним течением Волги и Окой. Природа здесь совершенно рознится от Днепровской: ровная, плодородная почва здесь сменяется суглинком, болотами и первобытным лесом. Хотя обилие речных вод замечается и здесь, но свойства рек различны: Южная Русь имеет большие реки, текущие в громадном большинстве к одному центру, к Днепру; в Северной Руси масса мелких речек, не имеющих общего центра, текущих по самым различным направлениям. Климат Северо-Восточной Руси вследствие обилия воды и леса суровее, почва требует больших трудов для обработки. Первоначальными жителями северо-восточной окраины были финские племена меря и мурома, о быте которых история не знает ничего достоверного. Исследователь древнейшей истории Суздальской Руси профессор Корсаков («Меря и Ростовское княжество», 1872) пробует восстановить быт мери:

1) по указаниям разных источников, так как летопись говорит о первоначальных жителях этой страны очень мало;

2) по сравнению быта теперешнего населения губерний Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской с бытом жителей других великорусских губерний; особенности этого быта могут быть объясняемы бытом первоначальных обитателей названных губерний;

3) по сравнению данных летописи о быте мери и мурома с бытом соседних им и ныне существующих финских племен – мордвы и черемис; этнография их несколько разработана, и жизнь этих племен может с некоторой вероятностью дать основания для заключений о жизни исчезнувшей их родни;

4) по указаниям, добытым из раскопок на местах поселения мери и мурома; эти раскопки, произведенные здесь археологами Савельевым и графом Уваровым, дают ряд, отрывочных правда, указаний на особенности мери и мурома. Тщательные изыскания Корсакова не привели к большим результатам; он указывает, что меря и мурома – племена финского происхождения, близкие по быту к мордве, религия их была неразвита; политической организации не существовало, не было и городов; культура была на очень низкой ступени развития; первенствующее значение принадлежало жрецам.

Колонизационное движение Руси по Волге – явление очень древнее: на первых уже страницах летописи мы встречаемся с городами Суздаlem и Ростовом, появившимися неизвестно когда. Откуда, то есть из каких мест Руси, первоначально шла колонизация в Суздальском крае, можно догадываться по тому, что Ростов политически в древности тянул к Новгороду, составляя как бы часть Новгородского княжества. Это давало повод предположить, что первыми колонистами на Волге были новгородцы, шедшие на Восток, как и все русские колонизаторы, по рекам. Против такого предположения возражали, что Новгород от Волги и рек ее бассейна отделяется водоразделами (препятствия для свободного передвижения), и указывали на различие наречий суздальского и новгородского. Но против первого положения можно сказать, что водоразделы никогда не могут задержать переселения, а второе объясняется историческими причинами: под влиянием новых природных условий, встречи с чуждым народом и языком в языке колонистов могли выработаться известные особенности. Во всяком случае, нет достаточных оснований отрицать, что первыми русскими колонистами на Суздальской Руси

могли быть новгородцы. В последнее время ученые (Шахматов, Спицын, Соболевский и другие) заново подняли вопрос о заселении Среднего Поволжья славянами и, не сходясь в деталях, однако, согласно представляют нам дело так, что славянский народный поток непрерывно стремился на северо-восток от области кривичей и, может быть, вятичей, заполняя Поволжье многими путями и из многих мест, между которыми Новгород играл в свое время важнейшую, но, вероятно, не исключительную роль. Позднее, с упадком Киева, в XII веке, главные массы колонистов в эту область стали двигаться с юга, от Киева. Сообщение Киева с Суздальской землей в первые века русской жизни совершалось кругом – по Днепру и верхней Волге, потому что непроходимые леса вятичей мешали от Днепра прямо проходить на Оку, и только в XII веке являются попытки установить безопасный путь из Киева к Оке; эти попытки и трудности самого пути остались в памяти народа в рассказе былины о путешествии Ильи Муромца из родного села Карачарова в Киев. Со второй половины XII века этот путь сквозь вятичей устанавливается, и начинается заметное оживление Суздальского княжества, туда приливает население, строятся города, и в этой позднейшей поре колонизации замечается любопытное явление: появляются на севере географические имена юга (Переяславль, Стародуб, Галич, Трубеж, Почайна) – верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпос – факт, что былины южнорусского цикла сохранились до наших дней на севере, также ясно показывает, что на север перешли и сложившие их.

Страна, в которую шли поселенцы, своими особенностями влияла на расселение колонистов. Речки, по которым селились колонисты, не стягивали поселения в густые массы, а располагали их отдельными группами. Городов было мало, господствующим типом селений были деревни, и таким образом городской быт юга здесь заменился сельским. Новые поселенцы, сидя на почве не вполне плодородной, должны были заниматься, кроме земледелия, еще лесными промыслами: угольничеством, лыкодерством, бортничеством и пр. – на это указывают и названия местностей: Угольники, Смолотечье, Деготино и т.д. В общем характере Суздальской Руси лежали крупные различия сравнительно с жизнью Киевской Руси: из городской, торговой она превратилась в сельскую, земледельческую. Переселяясь в Суздальский край, русские, как мы сказали, встретились с туземцами финского происхождения. Следствием этой встречи для финнов было их полное обрусение. Мы не находим их теперь на старых местах, не знаем об их выселении из Суздальской Руси, а знаем только, что славяне не истребляли их и что, следовательно, оставаясь на старых местах, они потеряли национальность, ассимилировавшись совершенно с русскими поселенцами как с расой более цивилизованной. Но вместе с тем и для славянских переселенцев поселение в новой обстановке и смешение с финнами не осталось и не могло бы остаться без последствий: во-первых, изменился их говор; во-вторых, совершилось некоторое изменение физиологического типа; в-третьих, видоизменился умственный и нравственный склад поселенцев. Словом, в результате явились в севернорусском населении некоторые особенности, создавшие из него особенную великорусскую народность...

Влияние татарской власти на удельную Русь

Новый порядок едва обозначился в Суздальской Руси, когда над этой Русью стала тяготеть татарская власть. Эта случайность в нашей истории недостаточно изучена для того, чтобы с уверенностью, ясно и определенно указать степень исторического влияния татарского ига. Одни ученые придают этому влиянию большое значение, другие его вовсе отрицают. В татарском влиянии прежде всего нужно различать две стороны: 1) влияние на государственное и общественное устройство Древней Руси и 2) влияние на ее культуру. В настоящую минуту нас главным образом должен занимать вопрос о степени влияния татар на политический и социальный строй. Эта степень может быть нами угадана по изменениям: во-первых, в порядке княжеского престолонаследия; во-вторых, в отношениях князей между собой; в-третьих, в отношениях князей к населению. В первом отношении замечаем, что порядок наследования княжеского стола при татарах в первом столетии их власти (1240–1340) остался тем же, каким был до татар: это родовой порядок с не редкими ограничениями и нарушениями. Великое княжество осталось неизменно в потомстве Всеволода Большое Гнездо, в линии его сына Ярослава. В течении немногим более 100 лет (1212–1328) пятнадцать князей из четырех поколений было на великокняжеском столе, и из них только три князя захватило престол с явным беззаконием, мимо дядей или старших братьев. (Сыновья Всеволода: 1) Юрий, 2) Константин, затем опять Юрий, ранее сидевший не по старшинству, 3) Ярослав, 4) Святослав; сыновья Ярослава Всеволодовича: 5) Михаил Хоробрит, захвативший силой престол у дяди Святослава мимо свои старших братьев, 6) Андрей, 7) Александр Невский, который был старше Андрея и со временем сверг его, 8) Ярослав Тверской, 9) Василий Костромской; сыновья Александра Невского: 10) Димитрий, 11) Андрей; 12) сын Ярослава Тверского Михаил; 13) внук Александра Невского Юрий Данилович; 14) внук Ярослава Тверского Александр Михайлович; 15) внук Александра Невского Иван Данилович Калита). Если мы обратимся к дотатарскому периоду, в так называемую Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменила в старом обычае передачи столов и присвоило себе лишь право санкционировать проявления этого обычая. Мало того, и этим правом своим она как будто не дорожила и не всегда спешила его осуществлять: самоуправство князей подолгу оставалось ненаказанным. Михаил Хоробрит умер, владея великокняжеским столом и не был наказан за узурпацию власти. Попранные им права дяди Святослава, санкционированные ранее татарами, не были им восстановлены даже и тогда, когда после смерти Хоробрита власть и стольные города Владимир и Киев выпросили себе племянники Святослава – Андрей и Александр. В поколении внуков и правнуков Всеволода Большое Гнездо образовалась даже такая повадка, которая явно изобличает слабость татарского авторитета и влияния; удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались в одиночку или коллективно – ослабить его. Александр Невский враждовал с великим князем Андреем Ярославичем, Василий Костромской – с великим князем Ярославом Тверским, Дмитрий Александрович – с великим князем Василием Костромским, Андрей Александрович – с великим князем Дмитрием Александровичем, и т.д. Татары видели все эти свары и усобицы и не думали, что их существование подрывает на Руси значение татарской власти; напротив, не следуя никакому определенному принципу в этом деле, они смотрели на ссоры князей как на лишний источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (то есть дань) больши», т.е. будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде, даже друг с другом. Искали великого княжения Михаил Тверской и Юрий Московский, и Михаил посулил больше «выхода», чем Юрий; тогда Юрий «шед к нему, рече: отче и брате, аз слышу, яко хощещи большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради, – шедше к хану,

объвиша ему о сем; тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я». Таким образом, татарская власть не могла что-либо установить или отменить, так как не руководилась никаким сознательным мотивом. Татары застали на Руси оттягивание родового наследования и зародыши семейно-вотчинного владения; при них продолжалось оттягивание и развивались и крепили зародыши семейно-вотчинного владения; нарушений этого процесса, давно и глубоко изменившего основы общественной организации, мы не замечаем. Во взаимных отношениях севернорусских князей в XIII и XIV веках, несомненно, происходят изменения, и по сравнению их с более древним порядком мы замечаем некоторые резкие особенности, которые многие ученые приписывают татарскому игу; но, всматриваясь внимательнее, мы убеждаемся, что причины, вызвавшие эти особенности, действовали в Русской земле и раньше татар. К этим особенностям принадлежат: 1) полное пренебрежение родовым единством; 2) передача владения от отца к сыну, иначе – начало вотчинного наследования; 3) оседание княжеских линий по волостям; князья Северо-Восточной Руси (первые: Ярослав Тверской и Василий Костромской Ярославичи), добившись великокняжеского престола, не идут из удела княжить во Владимир, а присоединяют его к своему княжеству и управляют им из своих уделов; 4) определение междукняжеских отношений договорами, в которых подробно объясняются все частности совместной деятельности и степень зависимости одного князя от другого; все исчисленные особенности суть прямое следствие того вотчинного характера, какой усвоила себе княжеская власть с самого начала своей деятельности в Суздальской земле; доверяя надзор за порядком в Русской земле старшему, великому князю, татары без призыва самих князей не имели ни повода, ни желания вмешиваться в княжеские дела; наконец, 5) отношение князей к населению не подвергалось постоянному надзору и регламентации татарской власти, определяясь тем же принципом вотчинности. Полнота княжеского авторитета могла, конечно, вырасти от того, что он опирался на татар, но существо княжеской власти оставалось то же.

Да и как татарское влияние на русскую жизнь могло быть значительно, если татары жили вдалеке, не смешивались с русским, являлись в Россию только для сбора дани или в виде войска, приводимого большей частью русскими князьями для их личной цели? Этот обычай брать дружину у соседних народов – обычай стародавний; еще в X и XI веках нанимали себе в помощь варягов, половцев и т.д. Если и находятся следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления, то они невелики и носят характер частных отрывочных заимствований – такие заимствования были и от варягов, и от Византии. Поэтому мы можем и далее рассматривать жизнь русского общества в XIII веке, не обращая внимания на факт татарского ига и следуя таким образом мысли С.М. Соловьева, который с особым ударением говорил: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные, – вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений».

Ощутительно сказалось не влияние татар, а сказался самый факт их господства над Русской землей только в том отношении, что содействовал окончательному разделению Руси на две половины: северо-восточную и юго-западную, центром которой является Галич. Опасным соседом Южной и Западной Руси с XIII века становится вместе с поляками и Литва...

Московское княжество до начала XVI века

Во второй половине XIII и начале XIV века на северо-востоке Руси начинает возвышаться до сих пор незаметное княжество Московское. Прежде чем перейти к определению причин и хода возвышения этого княжества, скажем несколько слов об его главном городе – Москве. Начнем с первых известий о Москве и не будем касаться басен о начале Москвы, приведенных у Карамзина. Первые упоминания о Москве мы встречаем в летописи не ранее XII века. В ней рассказывается, что в 1147 году Юрий Долгорукий пригласил своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговского, на свидание в Москву, где они пировали (учинили «обед») и обменялись подарками. При этом не говорится, что Москва была городом, так что можно подумать, что в 1147 году она была селом, вотчиною князя. Это тем более представляется вероятным, что есть известие о построении Москвы-города в 1156 году. Известие это таково: «Того же лета (6664) князь великий Юрий Володимерич заложи град Москву на устиже Неглинны выше реки Аузы». Прямой смысл этих слов действительно говорит, что город Москва был основан на девять лет позже княжеского обеда в Москве-вотчине. Но этому не все верят: истолковать и объяснить последнее известие очень трудно.

Во-первых, оно дошло до нас в позднем (XVI веке) летописном Тверском сборнике, автор которого имел обычай изменять литературную форму своих более старых источников. Нельзя поэтому быть уверенным в том, что в данном случае составитель сборника не изменил первоначальной формы разбираемого известия, его редакция отличается большою обстоятельностью и точностью географических указаний, что намекает на ее позднее происхождение. Таким образом, уже общие свойства источника заставляют заподозрить доброкачественность его сообщений. Во-вторых, автор Тверской летописи, заявив об основании Москвы в 1156 году, сам же повествует о Москве ранее: он сокращает известие Ипатьевской летописи о свидании князей в Москве в 1147 году и ничем не оговаривает возникающего противоречия, не объясняет, что следует разуметь под его Москвой 1147 года. Это прямо приводит к мысли, что автор в данном случае или плохо сам понимал свой разноречивый материал, или же в известии о построении города Москвы хотел сказать не совсем то, что можно прочесть у него по первому впечатлению. И в том и в другом случае обязательна особенная осторожность при пользовании данным известием. В-третьих, наконец, сопоставление известия с текстами других летописей убеждает, что автор Тверского сборника заставил князя Юрия заложить град Москву в то время, когда этот князь окончательно перешел на юг и когда вся семья его уже переехала из Суздаля в Киев через Смоленск. По всем этим соображениям невозможно ни принять известия на веру целиком, не внести в него какие-либо поправки.

Так, из двух наиболее ранних известий о Москве одно настолько неопределенно, что само по себе не доказывает существования города Москвы в 1147 году, а другое хотя и очень определенно, но не может быть принято за доказательство того, что город Москва был основан в 1156 году. Поэтому трудно разделять тот взгляд, что время возникновения Москвы-города нам точно известно. Правильнее в этом деле опираться на иные свидетельства, с помощью которых можно достоверно указать существование Москвы только в семидесятых годах XII века. При описании событий, последовавших в Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбского, летописи впервые говорят о Москве как о городе и о «москвлянах» как ее жителях. Ипатьевская летопись под 1176 годом (6684) рассказывает, что больной князь Михалко, направляясь с юга в Суздальскую Русь, был принесен на носилках «до Куцкова, рекше до Москве»; там он узнал о приближении своего врага Ярополка и поспешил во Владимир «из Москве» в сопровождении москвичей. «Москвляни же, – продолжает летописец, – слышавше, оже идет на не Ярополк, и взвратишася вспять, блюдуче домов своих». В следующем, 1177 году (6685) летописец прямо называет Москву городом в рассказе о нападении Глеба Рязанского на князя Все-

волода: «Глеб же на ту осень приеха на Москве (в других списках – Москву) и пожже город весь и села». Эти известия, не оставляя уже никаких сомнений в существовании города Москвы, в то же время дают один любопытный намек. В них еще не установлено однообразное наименование города: город называется то Московь, то Кучково, то Москва; не доказывает ли это, что летописцы имели дело с новым пунктом поселения, к имени которого их ухо еще не привыкло? Имея это в виду, возможно и не связывать возникновения Москвы с именем князя Юрия. Легенды о начале Москвы, собранные Карамзиным, не уничтожают такой возможности – их нельзя эксплуатировать как исторический материал для изучения событий XII века.

Так, оставаясь в пределах летописных данных, мы приходим к мысли о том, что факт основания Москвы-города в первой половине или даже в середине XII века не может считаться прочно установленным. С другой стороны, и торговое значение Москвы в первую пору ее существования не выясняется текстом летописей. Если вдуматься в известия летописей о Москве до половины XIII века (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы. Нет сомнения, что Москва была самым южным укрепленным пунктом Суздальско-Владимирского княжества. С юга, из Черниговского княжества, дорога во Владимир шла через Москву; именно Москва была первым городом, который встречали приходящие из Юго-Западной Руси в Суздальско-Владимирскую Русь. Когда по смерти Боголюбского князя Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич пошли на север из Чернигова, именно в Москве, на границах княжения Андрея Боголюбского, встретили их ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, которого не желали пускать внутрь княжества, они указали: «Пожди мало на Москве». Ярополк отправился «к дружине Переяславлю», а Михалко, не слушая ростовцев, поехал во Владимир. Москва здесь рисуется как перекресток, от которого можно было держать путь и в Ростов, на север, и во Владимир, на северо-восток. Внутренние пути Суздальской Руси сходились в Москве в один путь, шедший на юг, в Черниговскую землю. Через год Михалко, выбитый из Владимира, опять идет из Чернигова на север по зову владимирцев. Навстречу ему выходят и владимирцы, его друзья, и племянник Ярополк – его враг. Первые хотят его встретить и охранить, второй желает не допустить его в занятую Ростиславичами землю. При разных целях враги спешат в один и тот же пункт – в Москву. Очевидно, в данном случае встречать Михалка всего удобнее было на границе княжества, с какой бы целью его ни встречали. Когда наконец Михалко и брат его Всеволод укрепились прочно во Владимире, князь черниговский Святослав Всеволодович, отправил к ним их жен, «приставя к ним сына своего Олга проводить их до Москвы». Проводив княгинь, Олег вернулся «во свою волость в Лопасну». Здесь опять не требует доказательств пограничное положение Москвы: княгинь проводили до первого пункта владений их мужей. Все приведенные указания относятся к 1175–1176 годам. Не менее любопытен и позднейший факт. Князь Всеволод Юрьевич, затеяв в 1207 (6715) году поход на юг, на Ольговичей («хочю поити к Чернигову», – говорил он), послал в Новгород, требуя, чтобы сын его Константин послушался и «дождася отца на Москве». На Москву пришел и сам Всеволод и, соединясь там со своими сыновьями, «поиде с Москвы... и придоша до Оки», которая была тогда вне пределов Суздальского княжества. В этом случае Москва ясно представляется последним, самым южным городом во владениях Всеволода, откуда князь прямо вступает в чужую землю, во владения черниговских князей. Пограничное положение Москвы, естественно, должно было обратить ее на этот раз в сборное место дружин Всеволода, в операционный базис предпринятого похода.

Но не только по отношению к Черниговской земле Москва играла роль пограничного города: с тем же самым значением являлась она иногда и в отношениях Суздальской и Рязанской земель. В 1177 (6685) году князь рязанский Глеб, нападая на владения Всеволода, обратился именно на Москву, как это указано выше. То же повторилось и в 1208 (6716) году: рязанские князья «начаста воевати волость Всеволожю великого князя около Москвы». Москва по отношению к Рязани представляется нам первым доступным для рязанцев пунктом Суздаль-

ской земли, к которому у них был удобный путь по Москве-реке. Этим путем так или иначе воспользовались и татары Батя, пришедшие из Рязанской земли, от Коломны, прежде всего к Москве.

Итак, следуя по летописям за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встречаем ее имя в рассказах о военных событиях эпохи. Москва – пункт, в котором встречаются друзья и отражают врагов, идущих с юга. Москва – пункт, на который прежде всего нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец, – исходный пункт военных операций суздальско-владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга. Очевидно, что этот город был построен в видах ограждения Суздальско-Владимирской земли со стороны черниговского порубежья. По крайней мере, об этом скорее всего позволяет говорить письменный материал.

Как маленький и новый городок, Москва довольно поздно стала стольным городом особого княжества. Наиболее заметным из первых московских князей был Михаил Ярославич Хоробрит, прозванный так за то, что он без всякого права, благодаря одной своей смелости сверг князя Святослава и захватил в свои руки великое княжение. Вскоре за Хоробритом московский стол достался князю Даниилу Александровичу, умершему в 1303 году, который сделался родоначальником московского княжеского дома. С тех пор Москва стала особым княжеством с постоянным князем.

Припомним обстоятельства политической жизни Суздальско-Владимирской Руси. Вся она была в обладании потомства Всеволода Большое Гнездо; его потомки образовали княжеские линии: в Твери – Ярослав Ярославич, внук Всеволода, брат Александра Невского; в Суздале – Андрей Ярославич, внук Всеволода; затем, около 1279 года – Андрей Александрович, сын Александра Невского; в Ростове – Константин Всеволодович, в Москве – Даниил, сын Александра Невского, правнук Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая к совместной жизни с Суздальской Русью, находилась во владении не Мономаховичей, а младших Святославичей, потомков Святослава Ярославича. Из этих княжеств сильнейшими в XIV веке становятся Тверское, Рязанское и Московское. В каждом из этих княжеств был свой великий князь и свои удельные князья. Владимирское княжение существует без особой династии, его присоединяют великие князья к личным уделам. Последним из великих князей, княживших, по старинному обычаю, в самом Владимире, был Александр Невский, братья его, Ярослав Тверской и Василий Костромской, получив владимирское великое княжение, живут не во Владимире, а в своих уделах. Добиться владимирского княжения для князей теперь значит добиться материального обогащения и авторитета великого князя. Средства добыть великого княжения уже не нравственные, не только право старшинства, как прежде, но и сила удельного князя, поэтому за обладание Владимиром происходит борьба только между сильными удельными князьями. И вот в 1304 году начинается борьба за великое княжение между тверскими и московскими князьями – многолетняя кровавая распря, окончившаяся победой московского князя Ивана Калиты, утвердившегося в 1328 году с помощью Орды на великокняжеском престоле. С этих пор великое княжение не разлучалось с Москвою, а между тем за какие-нибудь тридцать лет до 1328 года Москва была ничтожным уделом: Даниил еще не владел ни Можайском, ни Клином, ни Дмитровом, ни Коломной и владел лишь ничтожным пространством между этими пунктами по течению Москвы-реки. Калита же в 1328 году владел только Москвою, Можайском, Звенигородом, Серпуховом и Переяславлем, то есть пространством меньше нынешней Московской губернии. Что же дало возможность Москве получить великое княжение и увеличиваться и каким путем шло это возвышение?

На этот вопрос мы находим много ответов в исторической литературе. Карамзин, например, в пятом томе «Истории государства Российского» упоминает и таланты московских князей и содействие бояр и духовенства и влияние татарского завоевания. Татарское иго, которое, по его мнению, начало новый порядок вещей в исторической жизни русского народа, изменило отношения князей к населению и отношение князей друг к другу, поставило князей в зависимость от хана и этим имело влияние на ход возвышения Московского княжества. Карамзин находит, что «Москва обязана своим величием ханам». Погодин, возражая Карамзину, поражается счастливыми совпадениями случайностей, которые слагались всегда в пользу возвышения и усиления Московского княжества. Блестящую характеристику усиления Московского княжества дает нам Соловьев. В I и IV томах своей «Истории России» он не раз, говоря вообще о важном влиянии географических условий, отмечает выгодное положение Москвы – на дороге переселенцев с юга, на середине между Киевской землей с одной стороны и Владимирской и Суздальской с другой. По бассейну Москвы-реки переселенцы, идя с юга, оседали густыми массами и делали Московское княжество одним из самых населенных. Кроме переселенцев с юга, в Москву шли переселенцы из других областей Руси Северной – вследствие отсутствия в Московском княжестве междоусобиц и бедствий от татар. Население приносило князю доход, давало ему большие средства; мы знаем, что московские князья употребляли эти большие денежные средства на покупку городов и выкуп пленных из Орды, которых и селили в Московском княжестве. Срединное положение Москвы-реки между Новгородом и востоком (Рязанью) имело также весьма важное значение. Если мы всмотримся в географическую карту, то увидим, что Москва-река сокращала водный путь между Новгородом и Окою; следовательно, Москва лежала на торговом пути Новгорода и Рязани. Срединное положение Москвы было важно и для церковного управления. Митрополиты переселились из Владимира в Москву, потому что считали необходимостью находиться в центральном пункте между областями севера и юга Руси. Таким образом, главное условие возвышения Москвы, по мнению Соловьева, это срединность ее положения, дававшая политические, торговые и церковные преимущества. В разных местах своего труда Соловьев указывает и на другие условия, содействовавшие успеху Москвы, – личность князей, деятельность бояр, сочувствие общества и так далее, но в оценке разных факторов он кладет видимое различие, одно – первая причина усиления и возвышения Москвы, другое – благоприятные условия, помогавшие этому усилению. Костомаров, излагая ход возвышения Московского княжества, объясняет усиление Москвы главным образом помощью татар и даже самую идею самодержавия и единодержавия трактует как заимствованную от татар. Бестужев-Рюмин находит, что положение князей при зависимости великого княжения от хана должно было развивать в князьях политическую ловкость и дипломатический такт, чтобы этим путем привлечь милость хана и захватить великокняжеский престол. Такою ловкостью и таким тактом обладали именно московские князья. Кроме того, усилению Москвы помогало духовенство, которому при владении большими вотчинами было выгодно отсутствие междоусобиц в Московском княжестве, и сверх того полнота власти московского князя соответствовала их высоким представлениям об единодержавной власти государя, вынесенным из Византии. Далее деятельность бояр была направлена также на помощь московским государям. Что же касается до срединности положения Москвы, то К.Н. Бестужев-Рюмин считает это причиной второстепенною. С оригинальным взглядом на этот вопрос выступает Забелин. Он главное условие возвышения Московского княжества видит в национальном сочувствии, вызванном хозяйственной деятельностью московских князей. Народ, отягченный и татарским погромом, и междоусобными распрями князей, естественно, относился сочувственно к московским князьям. Эклектическим характером отличается мнение Иловайского, который главной причиной роста Москвы как политического центра считает пробуждение народного инстинкта; народ, который чувствовал опасность от татар, должен был сплотиться. Кроме того, Иловайский находит следующие причины, способствовавшие усилению Московского княжества: 1) географи-

ческое положение, дающее политические и торговые выгоды, 2) личность князей и их политику (князья самих татар сделали орудием для возвышения власти, что видно из борьбы между Тверью и Москвою); 3) определенная в пользу Москвы политика татар; 4) сочувствие боярства и духовенства; 5) правильность престолонаследия в Москве.

Разбираясь в указанных мнениях, мы видим, что вопрос о причинах возвышения Московского княжества не развивается и последнее по времени мнение не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать те условия, которые были причиной того, что незначительное Московское княжество могло бороться с сильным Тверским княжеством, от тех, которые поддерживали Московское княжество в том положении, на которое оно встало благодаря первым, и помогли его усилению. В числе первых причин надо отметить: 1) географическое положение, давшее Московскому княжеству население и средства; 2) личные способности первых московских князей, их политическую ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обстоятельствами, чего не имели тверские князья, несмотря на одинаково выгодное положение Тверского княжества и Московского. К причинам, способствовавшим усилению княжества, надо отнести: 1) сочувствие духовенства, выраженное в перемене митрополии; 2) близорукость татар, которые не могли своевременно заметить опасное для них усиление княжества; 3) отсутствие сильных врагов, так как Новгород не был силен, а в Твери происходили постоянно междоусобия князей; 4) сочувствие бояр и сочувствие населения.

Обратимся теперь к вопросу о том, как шло возвышение Московского княжества.

При Иване Калите Москва была владением второстепенным и заключала в себе не более шести городов и менее шестисот миль территориального владения. При Иване III, через какие-нибудь сто пятьдесят лет, Московское княжество простиралось уже на пятнадцать тысяч квадратных миль. Это возрастание шло двояким путем – примыслов или путем завоеваний. Московское княжество при Данииле получило Переяславль-Залесский, завещанный ему бездетным племянником Иваном Дмитриевичем в 1302 году. Сын Даниила Юрий отнял у соседей-рязанцев Коломну, лежащую при устье Москвы-реки, а у смольнян – город Можайск, находящийся при верховье Москвы-реки. Таким образом, приблизительно с 1308 года в руках московского князя находилось все течение реки Москвы.

Иван Калита, получив великое княжение владимирское, приобрел Кострому, Галич, Белоозеро, Перемышль, Углич, скупая города у бедных князей.

Сын Дмитрия Донского Василий получает от отца Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Городец, Тарусу, Боровск. В завещании Дмитрия Донского замечательно одно любопытное место: великий князь завещает Владимир старшему сыну как свою вотчину помимо воли хана, что показывает, как сильны были уже тогда московские князья. В 1462 году Василий Темный завещал своим сыновьям уже около двадцати пяти городов.

Параллельно с территориальным возрастанием Московского княжества идет его политическое усиление. В XIV веке Тверское княжество было сильным противником Москвы, а в XV веке при Иване III, оно является настолько ничтожным, что не в состоянии сохранить даже независимость перед возраставшим могуществом Москвы. И к другим княжествам московские князья начинают относиться как к зависимым удельным. Власть московского князя быстро росла и пользовалась громадным авторитетом уже при Дмитрии Донском, что видно из положения, которое он занимал в борьбе князей с татарами.

Одновременно с территориальным возрастанием Московского княжества и вместе с усилением его внешнего значения изменялись и отношения между князьями собственно московской семьи, и власть великого князя московского усиливалась вследствие известного порядка наследования и вообще семейных отношений, которые существовали в семье московских князей до половины XV века. Для изучения этого порядка мы имеем большое количество духовных завещаний московских князей XIV и XV веков. Постоянных правил, которыми бы устанавливался постоянный и однообразный порядок престолонаследия, не было: престоло-

наследие определялось каждый раз завещанием князя, который мог завещать свои владения, кому хотел. Так, например, князь Семен, сын Ивана Калиты, умирая бездетным, завещал весь свой удел жене – помимо братьев. Из завещаний видно, что князья смотрели на свои земельные владения как на статьи своего хозяйства и совершенно одинаково делили и движимое имущество, и частные земельные владения, и государственную территорию. Последняя обыкновенно делилась чересполосно. Московская земля делилась на несколько участков, которые отличались друг от друга по хозяйственному значению или по историческому происхождению. Каждый наследник получал свою долю и в каждой статье движимого имущества. Самая форма духовных грамот князей была та же, что и форма духовных завещаний частных лиц, точно так же они совершались при свидетелях и по благословию духовных отцов. По княжеским завещаниям можно проследить и отношения князей друг к другу. Каждый удельный владел своим уделом независимо, но младшие удельные князья должны были слушаться старшего, как отца; а старший должен был заботиться о младших, но это были скорее нравственные, нежели политические обязанности. Значение старшего брата обуславливалось чисто материальным, количественным преобладанием, а не излишком прав и власти. Так, например, Дмитрий Донской дал старшему из пяти сыновей треть всего имущества, Василий Темный – половину, а Иван III – три четверти имущества. Так как доля старшего постоянно количественно увеличивалась сравнительно с младшими, это давало ему возможность все большего и большего влияния на младших князей. Благодаря таким особенностям из преобладания чисто семейного, материального, гражданского мало-помалу развивалось преобладание государственное политическое, – иначе говоря, создавалось единодержавие в княжестве.

До середины XV века московские князья все-таки еще были удельными владельцами, которых трудно назвать политическими деятелями и за которыми доселе сохраняется название хозяев, скопидомов. Так характеризует их Соловьев и другие историки. Политика этих князей не государственная, они скорее преследуют частные цели удельного княжеского дома. Эти особенности исчезают со вступлением во власть (1462) Ивана III Васильевича. С этого времени начинается иной порядок, и строится он именно под влиянием национальных идей.

Московское княжество при вокняжении Ивана III было обширным и сильным уделом, соседями которого были Новгород, Псков, Литва, Казанское царство и слабые уделы (Тверь, Рязань и др.).

Преследуя политику своего отца, Иван Васильевич попробовал тронуть Новгород. Новгород понял грозившую опасность и стал искать опоры в Литве. Тогда Иван III из-за сношений Новгорода с Литвой объявил ему войну. В июле 1471 года Иван Васильевич с войском сильно разорил Новгородскую область и подступил к Новгороду. Тот, не получив помощи от Литвы, не захотел войны и потому поспешил заключить мир, заплатив пятнадцать тысяч рублей, отказался от союза с Литвой и обещал посылать для посвящения в Москву лиц, избираемых на должность новгородского архиепископа. На этот раз Иван III пощадил городское самоуправление, но, когда новгородцы снова стали сноситься с Литвой и независимее держаться по отношению к Москве, он предпринял новый поход в 1478 году и без труда окончательно подчинил себе Новгород, уничтожив его вечевую жизнь. Этому последнему походу придан был такой характер, как будто московские войска в охрану народности и православной веры шли на новгородцев, отступивших от православия и передавшихся литовскому иноверному князю. Одновременно с Новгородом Иван III по частям завоевывал и новгородские области, то есть земли, волости (Вятка). Но Псков благодаря покорности великому князю сохранил тень своей самостоятельности и отсрочил свое падение.

По отношению к Твери и Рязани великий князь держался столь же крутой политики. В 1500 году умер великий князь рязанский Иван, оставив своего сына под опекой его матери и бабки, которые вполне слушались великого князя. В 1484 году, воспользовавшись сношениями тверского князя Михаила Борисовича с Литвой, Иван III объявил ему войну и осадил Тверь.

Город сдался без боя, а Михаил убежал в Литву. В 1463 году князья ярославские, а затем и ростовские и белозерские уступили свои владения Ивану.

Татарская Орда не представляла в княжение Ивана III одного нераздельного государства, она распалась на несколько орд (Золотую, Казанскую, Крымскую), которые находились между собою в постоянной вражде, искусно поддерживаемой Иваном III. Татары часто делали нападения на русские окраины и опустошали их. Иван III попробовал действовать против татар самими же татарами. Он приглашал к себе на службу татарских царевичей, давая им в награду земли, и таким образом противопоставлял татарам их же соплеменников. Видя слабость Золотой Орды, Иван III понял, что наступило время окончательно свергнуть иго. Это была, разумеется, старая заветная цель московских князей, к которой они все стремились неуклонно, но осторожно. Некоторые приписывают смелость Ивана III в разрыве с ханом внушениям Софьи (Палеолог), его жены, которая не могла сносить хотя бы и тени зависимости от татар. Как бы то ни было, но с 1480 года не стало и номинальной зависимости Руси от татар.

Если мы вспомним еще удачные столкновения Ивана III с Литвой, то будем иметь полный перечень его громадных политических успехов. От Литвы Иван Васильевич потребовал возвращения всех русских областей, называя себя при этом князем всея Руси, а земли литовско-русские – вотчинами своих предков. Московские князья, как видно, перестали смотреть на себя только как на хозяев. Исторические воспоминания о древних русских областях обратились в политические притязания, и у московского князя явилось представление о себе как о едином государе всей Русской земли.

В 1505 году, умирая, Иван оставляет духовное завещание, по которому старшему сыну Василию отдается большая часть земель – более трех четвертей всех городов, остальная часть делится между прочими четырьмя сыновьями. Власть этих последних совершенно иного свойства, чем власть старшего, – они играют роль простых вотчинников, не имеют права чеканить монету и самостоятельно сносятся с иностранными государями. Таким образом, Василий III по завещанию отца отличен не только количеством, но и качеством прав: он политический владетель, они – привилегированные землевладельцы.

Что касается до личности Ивана III, то историки смотрят на нее различно. С.М. Соловьев говорит, что только счастливое положение Ивана III после целого ряда умных предшественников дало ему возможность смело вести общирные предприятия. Костомаров смотрит на него еще строже – он отрицает всякие политические способности в Иване, отрицает в нем и человеческие достоинства. Карамзин же оценивает деятельность Ивана III совсем иначе. Не сочувствуя насильственному характеру преобразований Петра, он ставит Ивана III выше даже Петра Великого. Гораздо справедливее, спокойнее относится к Ивану Бестужев-Рюмин. Он говорит, что хотя и много было сделано предшественниками Ивана и ему было легче работать, тем не менее он велик потому, что завершил старые задачи и умел поставить новые вопросы, – именно Иван III поставил решительно вековой вопрос об отношениях Литвы и Москвы.

Василий III походил на своего отца и продолжал его политику – внешнюю, и внутреннюю. Он уничтожил самостоятельность Пскова, последних удельных княжеств, Рязанского и Северских, и после упорных войн с Литвою отнял у нее Смоленск в 1514 году. Отношения его к Крыму и Казани были постоянно враждебны, он и в этом случае не отступил от политики Ивана и старался иметь влияние на дела Казани и Крыма. Во внутренних делах Василий отличался властолюбием и суровостью. Он с братьями обращался строго, показывал над ними свою власть и в частных делах – так, например, брату Андрею долго не позволял жениться. С боярами он обращался надменно и не любил, если ему противоречили в Думе. Известно, например, что боярин Берсень-Беклемишев был выгнан им из заседания только за то, что осмелился выразить возражение. Бояре жаловались, что он все дела решал «сам третей у постели», и что советниками его являются дьяки.

Рассматривая явления эпохи Ивана III и Василия III, замечаем, что в их княжение совершилось действительное объединение великорусской народности и московский князь получил значение национального государя; благодаря этому изменился характер внешней политики и внутреннее значение и положение великого князя, ныне государя.

Внешняя политика при первых московских князьях ограничивалась сношениями с татарами и отношениями к соседним уделам, причем преследовались удельные интересы московского князя. Во время Ивана III и Василия III позорная дань татарам кончилась, и последние самостоятельные княжества, еще оставшиеся в Северной Руси, окончательно подчинились Москве. Вместе с тем изменился и характер внешней политики, которая становится политической государственной, преследует интерес не удела, а народности. Московскому государству приходится иметь дело уже не с единоверными и единоплеменными удельными князьями, а с иноземными и иноверными государствами – с Литвой, Польшей, германским императором, завязываются с ними дипломатические сношения, и начинаются с этого времени путешествия иностранцев в Москву, не заезжавших прежде в Россию дальше Новгорода.

Зная, что в Литве находятся многие русские области, московские князья усваивают мысль, что это их древние вотчины, и продолжают дело объединения уже на литовской земле (а не только на великорусской). Такой взгляд московских князей выразился в ответе Ивана III литовскому послу на жалобу последнего, что московский государь захватил чужие вотчины, не имея на них никакого права: «Короли Владислав и Александр хотят против нас за свою вотчину стоять; но что называют короли своею вотчиною? Не те ли города и волости, с которыми князья русские и бояре приехали к нам служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр отчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков из старины наша отчина».

Вместе с тем в грамотах, посылаемых в Литву, московские князья именовали себя: «князь московский и всея Руси»; литовцы отлично понимали, какая мысль скрывалась за этим титулом, и вот почему они так желали его уничтожения.

Вместе с изменением характера внешней политики изменилась и внутренняя политика, а также правительственное положение московского князя. Мы видели, как усиливалась власть великого московского князя на счет удельных князей, как старший сын наследовал после отца большее число городов, как такое материальное превосходство, увеличиваясь все более с течением времени, все больше отличало московских старших князей от удельных. Но со второй половины XV века этот князь перестал быть только удельным князем, а воплощает в своем лице высокий политический авторитет как державный вождь великорусской народности. Иван III берет с своих братьев обязательство не сноситься помимо его с иностранными державами, запрещает им бить монеты и чинить суд по важным уголовным делам, оставляя эти права исключительно за московским великим князем. Он принимает титул царя «всея Руси», усиливая его перечислением всех подвластных ему областей: «...великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский и т. д.». Он зовется самодержцем, то есть властителем политически независимым. С приездом Софьи Фоминичны московский князь усваивает по преемству от византийского императора герб двуглавого орла, служащий знаком царской власти, и вводит сложный этикет в придворную жизнь. Насколько велико было сознание своего могущества у московского князя этого времени, видно из ответа Ивана III послу германского императора Поппелю, посланному, между прочим, и затем, чтобы предложить Ивану королевский титул. Иван отказался от титула и велел сказать послу: «Просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмь ныне государи на своей земле; а постановления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Такой гордый ответ получил первый по значению европейский государь от дотоле неизвестного Западной Европе московского князя.

Сознавая превосходство своей власти над властью прежних московских князей, Иван III ввел обычай венчания на царство торжественным церковным обрядом. Предшественники Ивана III – великие князья московские садились на княжеский престол с благословением митрополита; Иван нашел это недостаточным и, назначив себе преемником внука своего Дмитрия, торжественно венчал его «на царство» в Успенском соборе. С новым понятием о царской власти, с новыми впечатлениями, которые были вынесены из сношений с Западом, переменяются и обычаи московского дворца: он становится дворцом со сложным этикетом. Так раскрывали государи в целом ряде установлений мысль о своем новом значении; мысль эта, очевидно, разделяется и народом. Простые удельные отношения подданных к государю исчезают. Герберштейн, германский посол, бывший в ту пору в Москве, замечает, что Василий III имел власть, какой не обладал ни один монарх, и затем добавляет, что когда спрашивают москвичей о неизвестном им деле, они говорят, равняя князя с Богом: «Мы этого не знаем, знает Бог да государь». Такой казалась власть государя иноземцам, но пойманные ими фразы не назначались только для того, чтобы политически возвысить государя в дипломатических сношениях перед чужими; внутренние отношения действительно менялись, и власть московского государя росла не только по отношению к удельным князьям как власть единого властителя сильного государства, но и в отношении подданных; эта перемена отношений к подданным резче всего сказалась изменениями в быте боярства.

В Москве издавна благодаря богатству московских князей и другим причинам собралось многочисленное боярство; со времени Ивана Калиты с юга и с запада приезжали сюда именитые бояре, и мало-помалу около московского великокняжеского стола столпилось больше слуг, чем у кого бы то ни было из других русских князей. Основанием отношений между князем и боярами до половины XV века в Москве был договор; боярин приходил служить князю, а князь его за это должен был кормить – вот главное условие договора. Сообразно с этим каждый служилый боярин имел право на кормление по заслугам и вместе с тем право отъезда и участия в совете князя. До половины XV века интересы боярства были тесно связаны с интересами князя: боярин должен был стараться об усилении своего князя, так как чем сильнее князь, тем лучше служить боярину и тем безопаснее его вотчина. Князья, в свою очередь, признавали заслуги бояра, что видим из завещания Дмитрия Донского, в котором он советует детям во всем держаться совета бояра. Словом, московские князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но с половины XV века изменяется состав московского боярства и изменяется отношение боярства к государю. С этого времени – в княжение Ивана III и Василия III, в эпоху окончательного подчинения и присоединения уделов – замечается прилив новых слуг к московскому двору: во-первых, это удельные князья, потерявшие или уступившие свои уделы московскому князю; во-вторых, это удельные князья, которые ранее потеряли свою самостоятельность и служили другим удельным князьям; наконец, это бояре – слуги удельных князей, перешедшие вместе со своими князьями на службу к московскому князю. Толпа княжеских слуг увеличивалась еще новыми пришельцами из Литвы – это были литовские и русские князья, державшиеся православия под властью литовских владетелей и после унии 1386 года стремившиеся перейти со своими уделами под власть православного государя. Все перечисленные пришельцы скоро стали в определенные отношения к старым московским боярам и друг к другу. Эти отношения выразились в обычаях местничества – так называется порядок служебных отношений боярских фамилий, сложившийся в Москве в XV и XVI веках и основанный на отечестве, то есть на унаследованных от предков отношениях служилого лица и рода по службе к другим лицам и родам. Каждый боярин, принимая служебное назначение, спрашивался, не станет ли он в равноправные или подчиненные отношения к лицу, менее его родовитому по происхождению, и отказывался от таких назначений, как от бесчестящих не только его, но и весь его род. Такой обычай местничества разместил мало-помалу все московские боярские роды в определенный порядок по знатности происхождения, и на этом аристо-

кратическом основании роды княжеские, как самые знатные, стали выше других, они занимали высшие должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московских государей. Но бывшие удельные князья, пришедшие на службу к московскому государю и ставшие к нему в отношении бояр, в большинстве сохранили за собою свои удельные земли на частном праве, как боярские вотчины. Перестав быть самостоятельными владельцами своих уделов, они оставались в них простыми вотчинниками-землевладельцами, сохраняя иногда в управлении землями некоторые черты своей прежней правительственной власти. Таким образом, их положение в их вотчинах переменилось очень мало, они остались в тех же суверенных отношениях к населению своих вотчин, сохраняли свои прежние понятия и привычки. Делаясь боярами, эти князата приносили в Москву не боярские мысли и чувства; делаясь из самостоятельных людей людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хороших чувств к московскому князю, лишившему их самостоятельности. Они не довольствуются положением прежних бояр при князе, а стараются достигнуть новых прав, воспользоваться всеми выгодами своего нового положения. Помня свое прежнее происхождение, зная, что они потомки прежних правителей Русской земли, они смотрят на себя и теперь как на хозяев Русской земли, с тою только разницею, что предки их правили Русской землей поодиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править все вместе всей землей. Основываясь на этом представлении, они склонны требовать участия в управлении страной, требуют, чтобы князья московские советовались с ними о всех делах, грозя в противном случае отъездом. Но служилые князья не могли отъехать, как отъезжали бояре удельных князей, то есть переезжали на службу от одного удельного князя к другому; теперь уделов не было и можно было отъехать только в Литву или к немцам, под иноверную власть, но и то и другое считалось изменой Русскому государству. В конце концов их положение определилось так: допуская местничество, московские князья не спорили до поры до времени против права совета, но старались прервать отъезд; вместе с тем, самый ход исторических событий все более и более мешал отъезду, а право совета иногда не осуществлялось. С царствования Ивана III, именно со времени его брака с Софьей Фоминичной, которую не любили бояре за ее властолюбивые стремления, начинают раздаваться жалобы со стороны бояр, что государь их не слушает. Время Василия III было еще хуже для бояр в этом отношении, еще более увеличивалось их неудовольствие против князя. Выразителем боярского настроения может служить Берсень-Беклемишев, типичный представитель боярства начала XVI века, человек очень умный, очень начитанный. Он часто ходил к Максиму Греку и беседовал с ним о положении дел на Руси, причем высказывал откровенно свои взгляды. Он говорил, что все переменилось на Руси, как пришла Софья, что она переставила все порядки, и потому государству стоять не долго; князь московский не любит, как бывало прежде, советоваться с боярами и решает дела «сам третей у постели», то есть в своем домашнем совете, состоявшем из двух неродовитых людей. Эти речи Беклемишева были обнаружены следствием, и за них ему отрезали язык.

Так в начале XVI века стали друг против друга государь, шедший к полновластию, и боярство, которое приняло вид замкнутой и точно расположенной по степеням родовитости аристократии. Великий князь двигался, куда вела его история, другой класс действовал во имя отживших политических форм и старался, как бы остановить историю. В этом историческом процессе столкнулись, таким образом, две силы, далеко не равные. За московского государя стоят симпатии всего населения, весь склад государственной жизни, как она тогда слагалась, а боярство, не имея ни союзников, ни влияния в стране, представляло собой замкнутый аристократический круг, опиравшийся при своем высоком служебном и общественном положении лишь на одни родословные предания и не имевший реальных сил отстоять свое положение и свои притязания. Однако, несмотря на неравенство сил, факт борьбы московского боярства с государем несомненен. Жалобы со стороны бояр начались с Ивана III; при Василии III они

раздавались сильнее, и при обоих князьях мы видим опалы и казни бояр, но с особенной силой эта борьба разыгралась при Иване Грозном, когда в крови погибла добрая половина бояр...

Время Ивана Грозного

Время Ивана Грозного давно привлекает к себе внимание ученых и беллетристов необычным в русской истории драматизмом положений и яркостью характеров. В эпохе Грозного много содержания: бурное детство великого князя; период светлых реформ и счастливых войн на востоке; ссора с советниками и опалы на них; опричнина, которая была, в сущности, глубоким государственным переворотом; сложный общественный кризис, приведший к опустению государственного центра; тяжелая и неудачная борьба за Балтийский берег, – вот главнейшие факты, подлежащие нашему вниманию в царствовании Ивана Грозного. Но нельзя сказать, чтобы мы хорошо знали эти факты. Материалы для истории Грозного далеко не полны, и люди, не имевшие с ними прямого дела, могут удивиться, если узнают, что в биографии Грозного есть годы, даже целые ряды лет без малейших сведений о его личной жизни и делах.

Таково прежде всего время его детства и юности. По восьмому году он остался круглым сиротой и с младшим братом Юрием попал на попечение бояр, которые питали их «яко иностранных или яко убожайшую чадь», так что Грозный, по его словам, много пострадал «во одеянии и во алкании». Внешние лишения сопровождались моральными обидами. Грозный с негодованием вспоминал, как Шуйские вели себя: «...нам бо во юности детства играюще, а князь И.В. Шуйский сидит на лавке, локтем опершись, отца нашего о постелю ногу положив, к нам же не преклоняясь». А в официальной обстановке, при народе, те же Шуйские по «чину» низко преклонялись пред маленьким великим князем и тем учили его двуличию и притворству. Растащив много из великокняжеского имущества, бояре явились перед мальчиком-государем грабителями и изменниками. Ссорясь и «приходя ратью» друг на друга, бояре не стеснялись оскорблять самого государя, вламываясь ночью в его палаты и силою вытаскивая от него своих врагов. Шуйских сменял князь Бельский с друзьями, Бельского опять сменяли Шуйские, Шуйских сменяли Глинские, а маленький государь смотрел на эту борьбу боярских семей и партий до тех пор, пока не научился сам насильничать и опаляться, и «от тех мест почали бояре от государя страх имети и послушание». Они льстили его дурным инстинктам, хвалили жестокость его забав, говоря, что из него выйдет храбрый и мужественный царь, – и из мальчика вышел испорченный и распущенный юноша, возбуждавший против себя ропот населения. Однако в конце 1546 и начале 1547 года этот юноша выступает перед нами с чертами некоторой начитанности и политической сознательности. В литературно отделанных речах, обращенных к митрополиту и боярам, он заявляет о желании жениться и принять царский венец: «Хочу аз поискати прежних своих прародителей чинов – и на царство на великое княжение хочу сести». Грозный, принимая венец (1547), является носителем того идеала, в котором, как мы видели, определяла свою миссию его народность; он ищет царства, а не только великого княжения и официально достигает его в утвердительной грамоте цареградского патриарха (1561). И не только в деле о царском венце, но и во всех своих выступлениях пред духовенством и боярами молодой царь обнаруживает начитанность и умственную развитость; для своего времени это образованный человек. Раздумывая над тем, откуда могли прийти к распущенному морально юноше его знания и высшие умственные интересы, мы можем открыть лишь один источник благотворного влияния на Грозного. Это круг того митрополита Макария, который в 1542 году был переведен на московскую митрополию с новгородской архиепископии. С Макарием перешли в Москву его сотрудники по литературному делу – собиранию «великих миней-четьих» – и в их числе знаменитый священник Сильвестр. Сам Макарий пользовался неизменным почитанием Грозного и имел на него хорошее влияние; а Сильвестр прямо стал временщиком при Грозном и «владыша обема властми, и святительскими и царскими, яко же царь и святитель». Воздействие этих лиц обратило Грозного от забав на чтение, на вопросы богословского знания и политических теорий. Способный и впечатлительный от природы, Грозный скоро усвоил все

то, чем питался ум и возбуждалось чувство передовых москвичей, и сам стал (по выражению одного из ближайших потомков – князя И.М. Катыврева-Ростовского) «муж чудного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Таким образом, моральное воспитание Грозного не соответствовало умственному образованию: душа Грозного всегда была ниже его ума.

С совершеннолетием Грозного начинается лучший период его деятельности. Влияние Сильвестра выразилось, между прочим, в том, что он собрал около царя особый круг советников, называемый обыкновенно Избранною радою (так именовал его в своем сочинении о Грозном князь Курбский). Это не была ни ближняя дума, ни дума вообще, а особая компания бояр, объединившихся в одной цели – овладеть московскою политикою и направить ее по-своему. Вспоминая об этой компании, Грозный раздраженно говорил, что эти бояре «ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша». Нет сомнения, что Избранная рада пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, неудобных для московских самодержцев. Состоя, по-видимому, из потомков удельных князей – «княжат» – Рада вела политику именно княжескую и поэтому должна была рано или поздно прийти в острое столкновение с государем, сознающим свое полновластие. Столкновения и начались с 1553 года, когда во время тяжелой болезни Грозного обнаружилось, что Рада желала воцарения не маленького сына Грозного – Дмитрия, а двоюродного брата его (Грозного) – князя Владимира Андреевича. «Оттом бысть вражда велия государю с князем Владимиром Андреевичем, – говорит летописец, – а в боярах смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». Полный разрыв царя с Радою произошел около 1560 года, когда удалены были из Москвы Сильвестр и другой царский любимец – А. Адашев. До тех же пор, в продолжение двенадцати–тринадцати лет, правительственная деятельность Грозного шла под влиянием Избранной рады и отличалась добрыми свойствами. В это время была завоевана Казань (1552), занята Астрахань (1556) и были проведены серьезные реформы.

Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казанская татарская Орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемису, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгою, на реке Унже и Ветлуге, и мордва за Окою задерживали колонизационное движение Руси на восток; а набеги татар и прочих «язык» на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и уводя в полон много русских людей. Казань была хроническою язвою московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народною песнею. После взятия Казани – в течение всего двадцати лет – она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась немедля на богатые земли Поволжья и в лесные районы Среднего Урала. Громадные пространства ценных земель были замирены московскою властью и освоены народным трудом. В этом заключалось значение «казанского взятья», чутко угаданное народным умом. Занятие нижней Волги и Западной Сибири было естественным последствием уничтожения того барьера, которым было Казанское царство для русской колонизации. Одновременно с казанскими походами Грозного шла его внутренняя реформа. Начало ее связано с торжественным собором, заседавшим в Москве в 1550–1551 годах. Это не был Земский собор в обычном смысле этого термина. Предание о том, будто бы в 1550 году Грозный созвал в Москве представительное собрание всякого чина из городов, признается теперь недостоверным. Как показал впервые И.Н. Жданов, в Москве заседал тогда собор духовенства и боярства по церковным делам и земским. На этом соборе или с его одобрения в 1550 году был исправлен Судебник 1497 года; а в 1551 году был составлен Стоглав – сборник постановлений канонического характера. Вчитываясь в эти памятники и вообще в документы правительственной деятельности тех лет, мы приходим к мысли, что тогда в Москве был создан целый план переустройства местного управления. «Этот план, – говорит В.О. Ключевский, – начинался срочною

ликвидацией тяжёб земства с кормленщиками, продолжался пересмотром Судебника с обязательным повсеместным введением в суде кормленщиков, выборных старост и целовальников и завершался уставными грамотами, отменявшими кормления». Так как примитивная система кормления не могла удовлетворять требованиям времени, росту государства и усложнению общественного порядка, то ее решено было заменить иными формами управления. До отмены кормления в данном месте кормленщиков ставили под контроль общественных выборных, а затем и совсем заменяли их органами самоуправления. Самоуправление получало при этом два вида:

1. Введению выборных людей передавались суд и полиция в округе (губе). Так бывало обыкновенно в тех местах, где население имело разносословный характер. В губные старосты выбирались обыкновенно служилые люди, и им в помощь давались выборные же целовальники (то есть присяжные) и дьяк, составлявшие особое присутствие – губную избу. Избирали вместе все классы населения.

2. Введению выборных людей передавались не только суд и полиция, но и финансовое управление – сбор податей и ведение общинного хозяйства. Так было обыкновенно в уездах и волостях с сплошным тяглым населением, где издавна для податного самоуправления существовали земские старосты. Когда на этих старост переносились функции и губного института (или, что то же, наместничьи), то получилась наиболее полная форма самоуправления, обнимающая все стороны земской жизни. Представители такого самоуправления назывались разно: излюбленные старосты, излюбленные головы, земские судьи.

Отмена кормлений в принципе была решена около 1555 года, и всем волостям и городам предоставлено было переходить к новому порядку самоуправления. Кормленщики должны были впредь оставаться без кормов, и правительству надобны были средства, чтобы чем-либо заменить кормы. Для получения таких средств было установлено, что города и волости должны за право самоуправления вносить в государеву казну особый оброк, получивший название кормленного окупа. Он поступал в особые кассы, казны, получившие наименование четвертей, или четей, а бывшие кормленщики получали право на ежегодные уроки, или жалованье, из чети и стали называться четвертчиками.

В связи с реформой местного управления и одновременно с нею шли меры, направленные к организации служилого класса. Служилые люди делились на статьи, или разряды. Из общей их массы в 1550 году была выделена избранная тысяча лучших детей боярских и наделена поместными землями в окрестностях Москвы (подмосковные). Так образовался разряд дворян московских, служивших по московскому списку. Отдельные служили с городов и назывались детьми боярскими дворовыми и городовыми (позднее – дворянами и детьми боярскими). В 1550-х годах был установлен порядок дворянской службы (устроены сотни под начальством голов); была определена норма службы с вотчин и поместий (с каждых ста четвертей, или полудесятин, доброй земли – человек на коне, в доспехе); было регламентировано местничество. Словом, был внесен известный порядок в жизнь, службу и хозяйство служилого класса, представлявшего собою до тех пор малодисциплинированную массу.

Если рядом с этими мерами припомним меры, проведенные в Стоглаве относительно улучшения церковной администрации, поддержания церковного благочиния и исправления нравов, то поймем, что задуманный Грозным и его Радою круг реформ был очень широк и по замыслу должен был обновить все стороны московской жизни. Но правительство Грозного не могло вполне успешно вести преобразовательное дело по той причине, что в нем самом не было согласия и единодушия. Уже в 1552–1553 годах Грозный в официальной летописи жалуется на бояр, что они «казанское строение поотложиша», так как занялись внутреннею реформой, и что они не хотели служить его сыну, а передались на сторону Владимира Андреевича. В 1557–1558 годах у Грозного вышло столкновение с боярами из-за Ливонской войны, которой, по-видимому, боярская Рада не желала. А в 1560 году, с кончиною жены Грозного

Анастасии Романовны, у Грозного с его советниками произошел прямой разрыв. Сильвестр и Адашев были сосланы; попытки бояр их вернуть повели к репрессиям; однако эти репрессии еще не доходили до кровавых казней. Гонения получили решительный и жестокий характер только в связи с отъездами (изменою) бояр. Заметив наклонность недовольных к отъездам, Грозный брал с бояр, подозреваемых в желании отъехать в Литву, обязательства не отъезжать за поручительством нескольких лиц; такими поручными грамотами он связал все боярство. Но отъезды недовольных все-таки бывали, и в 1564 году успел бежать в Литву князь Андрей Михайлович Курбский, бросив вверенные ему на театре войны войска и крепость. Принадлежа к составу Избранной рады, он пытался объяснить и оправдать свой побег «нестерпимую яростию и горчайшею ненавистью» Грозного к боярам его стороны. Грозный ответил Курбскому обличительным письмом, в котором противопоставлял обвинениям боярина свои обвинения против бояр. Обе стороны – монарх, стремившийся сам править, и князь-боярин, представлявший принцип боярской олигархии, – обменялись мыслями с редкою откровенностью и резкостью. Бестужев-Рюмин в своей «Русской истории» первым выяснил, что в этом вопросе о царской власти и притязаниях бояр-княжат основа была династическая. Потомки старой русской династии, княжата, превратившись в служилых бояр своего сородича – московского царя, требовали себе участия во власти, а царь мнил их за простых подданных, которых у него «не одно сто», и потому отрицал все их притязания. В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер Избранной рады, которая очевидно служила орудием не бюрократическо-боярской, а удельно-княжеской политики и желала ограничения царской власти не в пользу учреждения (Думы), а в пользу известной общественной среды (княжат).

Такой характер оппозиции привел Грозного к решимости уничтожить радикальными мерами значение княжат, – пожалуй даже, и совсем их погубить. Совокупность этих мер, направленных на родовую аристократию, называется опричниною. Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, который обыкновенно применялся Москвою в завоеванных землях. И отец, и дед Грозного, следуя московской правительственной традиции, при покорении Новгорода, Пскова и иных мест выводили оттуда наиболее видных и для Москвы опасных людей в свои внутренние области, а в завоеванный край посылали поселенцев из коренных московских мест. Это был испытанный прием ассимиляции, которою московский государственный организм усваивал себе новые общественные элементы. В особенности ясен и действителен был этот прием в Великом Новгороде при Иване III и в Казани при самом Иване IV. Лишаемый местной руководящей среды, завоеванный край немедленно получал такую же среду из Москвы и начинал вместе с нею тяготеть к общему центру – Москве. То, что удавалось с врагом внешним, Грозный задумал испытать с врагом внутренним. Он решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев – княжат и поселить их в отдельных от их прежней оседлости мест, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин. Исполнение этого плана Грозный обставил такими подробностями, которые возбудили недоумение современников. Он начал с того, что в декабре 1564 года покинул Москву безвестно и только в январе 1565 года дал о себе весть из Александровской слободы. Он грозил оставить свое царство из-за боярской измены и остался во власти по молению москвичей, только под условием, что ему на изменников «опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (имущество) имати, а учинити ему на своем государстве себе опришнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой». Борьба с «изменою» была целью; опричнина же была средством. Двор нового Грозного состоял из бояр и дворян, новой, «тысячи голов», которую отобрали так же, как в 1550 году отобрали тысячу лучших дворян для службы по Москве. Первой тысяче дали тогда подмосковные поместья; второй – Грозный дает поместья в тех городах, «которые города поимал в опришнину», это и были

опричники, предназначенные сменить опальных княжат на их удельных землях. Число опричников росло, потому что росло количество земель, забираемых в опричнину. Грозный на всем пространстве старой удельной Руси, по его собственному выражению, «перебирал людишек», иных отсылал, а других принимал. В течение двадцати последних лет царствования Грозного опричнина охватила полгосударства и разорила все удельные гнезда, разорвав связь княжеских родов с их удельными территориями и сокрушив княжеское землевладение. Княжата были выброшены на окраины государства, оставшиеся в старом порядке управления и носившие название земщины или земского. Так как управление опричинскими землями требовало сложной организации, то в новом дворе Грозного мы видим особых бояр (Думу), особых, дворовых дьяков, приказы, – словом, весь правительственный механизм, параллельный государственному; видим особую казну, в которую поступают податные платежи с опричинских земель. Для усиления средств опричнины Грозный «поимал» в опричнину весь московский север. Мало-помалу опричнина разрослась до огромных размеров и разделила государство на две враждебные одна другой половины. Ниже будут указаны последствия этой своеобразной реформы Грозного, обратившего на свою землю приемы покорения чужих земель; здесь же заметим, что прямая цель опричнины была достигнута и всякая оппозиция была сломлена. Достигалось это не только системой принудительных переселений ненадежных людей, но и мерами террора. Опалы, ссылки и казни заподозренных лиц, насилия опричников над «изменниками», чрезвычайная распушенность Грозного, жестоко истязавшего своих подданных во время оргий, – все это приводило Москву в трепет и робкое смирение пред тираном. Тогда еще никто не понимал, что этот террор больше всего подрывал силы самого правительства и готовил ему жестокие неудачи вне и кризис внутри государства. До каких причуд и странностей могли доходить эксцессы Грозного, свидетельствует, с одной стороны, новгородский погром, а с другой – вокняжение Симеона Бекбулатовича. В 1570 году по какому-то подозрению Грозный устроил целый поход на Новгород, по дороге разорил Тверской уезд, а в самом Новгороде из шести тысяч дворов (круглым числом) запустошил около пяти тысяч и навсегда ослабил Новгород. За то он «пожаловал» – тогда же взял в опричнину – половину разоренного города и две новгородские пятины; а вернувшись в Москву, опалился на тех, кто внушил ему злобы на новгородцев. В 1575 году он сделал великим князем всея Руси крещенного татарского царя (то есть хана) Симеона Бекбулатовича, а сам стал звать себя князем московским. Царский титул как бы исчез совсем, и опричнина стала двором московского князя, а земское стало великим княжением всея Руси. Менее чем через год татарский «царь» был сведен с Москвы на Тверь, а в Москве все стало по-прежнему. Можно не верить вполне тем рассказам о казнях и жестокостях Грозного, которыми занимали Европу западные авантюристы, побывавшие в Москве, но нельзя не признать, что террор, устроенный Грозным, был вообще ужасен и подготовлял страну к смуте и междоусобию. Это понимали и современники Грозного. Например, Иван Тимофеев в своем «Временнике» говорит, что Грозный, «божиими людьми играя», разделением своей земли сам «прообразовал розгласие» ее, то есть смуту.

Параллельно внутренней ломке и борьбе с 1558 года шла у Грозного упорная борьба за Балтийский берег. Балтийский вопрос был в то время одною из самых сложных международных проблем. За преобладание на Балтике спорили многие прибалтийские государства, и старание Москвы стать на морском берегу твердо ногою поднимало против московитов и Швецию, и Польшу, и Германию. Надобно признать, что Грозный выбрал удачную минуту для вмешательства в борьбу. Ливония, на которую он направил свой удар, представляла в ту пору, по удачному выражению, страну антагонизмов. В ней шла вековая племенная борьба между немцами и аборигенами края – латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нередко вид острого социального столкновения между пришлыми феодальными господами и крепостною туземною массою. С развитием реформации в Германии религиозное брожение перешло в Ливонию, подготовляя секуляризацию орденских владений. Наконец, ко всем прочим анта-

гонизмам присоединялся и политический: между властями ордена и архиепископом рижским была хроническая распря за главенство, а вместе с тем шла постоянная борьба с ними городов за самостоятельность. Ливония, по выражению Бестужева-Рюмина, «представляла собою миниатюрное повторение империи без объединяющей власти цезаря». Разложение Ливонии не укрылось от Грозного. Москва требовала от Ливонии признания зависимости и грозила завоеванием. Был поднят вопрос о так называемой юрьевской (дерптской) дани. Из местного обязательства города Дерпта платить за что-то великому князю пошлину, или дань, Москва сделала повод к установлению своего патроната над Ливонией, а затем и повод для войны. В два года (1558–1560) Ливония была разгромлена московскими войсками и распалась. Чтобы не отдаваться ненавистным москвитам, Ливония по частям поддалась другим соседям: Лифляндия была присоединена к Литве, Эстляндия – к Швеции, остров Эзель – к Дании, а Курляндия была секуляризована в ленной зависимости от польского короля. Литва и Швеция потребовали от Грозного, чтобы он очистил их новые владения. Грозный не пожелал, и таким образом война Ливонская с 1560 года переходит в войну литовскую и шведскую.

Эта война затянулась надолго. Вначале Грозный имел большой успех в Литве. В 1563 году он взял Полоцк, и его войска доходили до самой Вильны. В 1565–1566 годах Литва готова была на почетный для Грозного мир и уступала Москве все московские приобретения. Но Земский собор 1566 года высказался за продолжение войны с целью дальнейших земельных приобретений: желали всей Ливонии и Полоцкого повета к городу Полоцку. Война продолжалась вяло. Со смертью последнего Ягеллона (1572), когда Москва и Литва были в перемирии, возникла даже кандидатура Грозного на престол Литвы и Польши, объединенных в Речь Посполитую. Но кандидатура эта не имела удачи: избран был сперва Генрих Валуа, а затем (1576) семиградский князь Стефан Баторий (по-московски – Обатур). С появлением Батория картина войны изменилась. Литва из обороны перешла в наступление. Баторий взял у Грозного Полоцк (1579), затем Великие Луки (1580) и, внося войну в пределы Московского государства, осадил Псков (1581). Грозный был побежден не потому только, что Баторий имел воинский талант и хорошее войско, но и потому еще, что к данному времени у Грозного иссякли средства ведения войны. Вследствие внутреннего кризиса, поразившего в то время Московское государство и общество, страна, по современному выражению, «в пустошь изнурилась и в запустение пришла». О свойствах и значении этого кризиса будет речь ниже; теперь же заметим, что тот же недостаток сил и средств парализовал успех Грозного и против шведов в Эстляндии. Неудача Батория под Псковом, который геройски защищался, дозволила Грозному при посредстве папского посла – иезуита Поссевина начать переговоры о мире. В 1582 году был заключен мир (точнее, перемирие на десять лет) с Баторием, которому Грозный уступил все свои завоевания в Лифляндии и Литве, а в 1583 году Грозный помирился и со Швецией на том, что уступил ей Эстляндию и сверх того свои земли от Наровы до Ладожского озера по берегу Финского залива (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, Корелу). Таким образом, борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полною неудачею. Причины неудачи находятся, конечно, в несоответствии сил Москвы с поставленною Грозным целью. Но это несоответствие обнаружилось позднее, чем Грозный начал борьбу: Москва стала клониться к упадку только с 70-х годов XVI века. До тех пор ее силы казались громадными не только московским патриотам, но и врагам Москвы. Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперских судов на балтийских водах поразило Среднюю Европу. В Германии москвиты представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листовок и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни москвитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобшив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме

Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, приняв ее за объективный исторический источник.

К тому, что сказано о политике Грозного, о событиях его времени, необходимо прибавить упоминание о весьма известном факте появления английских кораблей в устьях Северной Двины и о начале торговых сношений с Англией (1553–1554), а также о завоевании Сибирского царства отрядом строгановских казаков с Ермаком во главе (1582–1584). И то и другое для Грозного было случайностью; но и тем и другим московское правительство сумело воспользоваться. В 1584 году на устья Северной Двины был устроен Архангельск как морской порт для ярмарочного торга с англичанами, и англичанам была открыта возможность торговых операций на всем русском Севере, который они очень быстро и отчетливо изучили. В те же годы началось занятие Западной Сибири уже силами правительства, а не одних Строгановых, и в Сибири были доставлены многие города со стольным Тобольском во главе.

В самое мрачное и жестокое время правления Грозного – в 70-х годах XVI столетия – московское правительство поставило себе большую и сложную задачу устроить заново охрану от татар южной границы государства, носившей название берега, потому что долго эта граница совпадала на деле с берегом средней Оки. В середине XVI века на восток и на запад от этого берега средней Оки под прикрытием старинных крепостей на верхней Оке – верховских и рязанских – население чувствовало себя более или менее в безопасности; но между верхнею Окою и верхним Доном, на реках Упе, Проне и Осетре, русские люди до последней трети XVI века были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексин, Одоев, Тула, Зарайск и Михайлов не могли дать приют и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на тульском и пронском черноземе. Не могли эти крепости и задерживать шайки татар в их быстром и скрытном движении к берегам средней Оки. Надо было защитить надежным образом население окраины и дороги внутри страны, в Замосковье. Московское правительство берет за эту задачу. Оно сначала укрепляет места по верховьям Оки и Дона, затем укрепляет линию реки Быстрой Сосны, переходит на линию верхнего Сейма и наконец занимает крепостями течение реки Оскола и верховье Северного (или Северского) Донца. Все это делается в течение всего четырех десятилетий, с энергической быстротою и по известному плану, который легко открывается позднему наблюдателю, несмотря на скудость исторического материала для изучения этого дела.

Порядок обороны южной границы Московского государства был таков. Для отражения врага строились крепости и устраивалась укрепленная пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска. Для наблюдения же за врагом и для предупреждения его нечаянных набегов выдвигались в Поле, за линию укреплений, наблюдательные посты – сторожи – и разезды – станицы. Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало-помалу спускалась с севера на юг, следуя по тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар. Препраждая эти дороги засеками и валами, затрудняли доступы к бродам через реки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крепостью, место для которой выбиралось с большею осмотрительностью, иногда даже в стороне от татарской дороги, но так, чтобы крепость командовала над этою дорогою. Каждый шаг на юг, конечно, опирался на уже существовавшую цепь укреплений; каждый город, возникший на Поле, строился трудами людей, взятых из других украинских и польских (полевых) городов, населялся ими же и становился по службе в тесную связь со всею сетью прочих городов. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряжениями, но и всем складом боевой порубежной жизни. Весь юг Московского государства представлял собою один хорошо организованный военный округ.

В этом военном округе все правительственные действия и весь склад общественной жизни определялись военными потребностями и имели одну цель – народной обороны. Необычная планомерность и согласованность мероприятий в этом отношении являлась результатом общего совета – съезда знатоков южной окраины, созданных в Москву в 1571 году и

работавших под руководством бояр кн. М.И. Воротынского и Н.Р. Юрьева. Этим советом и был выработан план защиты границ, приуроченный к местным условиям и систематически затем исполненный на деле. Свойства врага, которого здесь надлежало остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижный и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он «искрадывал» русскую Украину, а не воевал ее открытою войною; он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее; он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время он не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозою. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организации, предназначенной на борьбу с таким врагом. Ряд крепостей стоял на границе; в них жил постоянный гарнизон и было приготовлено место для окрестного населения – на тот случай, если при нашествии врага будет необходимо и по времени возможно укрыться за стены крепости. Из крепостей рассылаются разведочные отряды для наблюдения за появлением татар, а в определенное время года в главнейших крепостях собираются большие массы войск в ожидании крупного набега крымского царя. Все мелочи крепостной жизни, все маршруты разведочных партий, вся береговая или польная служба, как ее называли, – словом, вся совокупность оборонительных мер определена наказами и росписями. Самым мелочным образом заботятся о том, чтобы быть «усторожливее», и предписывают крайнюю осмотрительность. А между тем, несмотря на опасности, на всем пространстве укрепленной границы живет и продвигается вперед, все южнее земледельческое и промышленное население; оно не только без разрешения, но и без ведома власти оседает на новых землях, в своих «юртах», пашенных заимках и зверопромышленных угодьях. Стремление московского населения на юг из центра государства было так энергично, что выбрасывало наиболее предприимчивые элементы даже вовсе за границу крепостей, где защиту поселенца была уже не засека или городской вал, а природные крепости: лесная чаща и течение лесной же речки. Недоступный конному степняку-грабителю, лес для русского поселенца был и убежищем, и кормильцем. Рыболовство в лесных озерах и реках, охота и бортничество привлекали поселенцев именно в леса. Один из исследователей заселения нашего Поля (Миклашевский), отмечая расположение поселков на Украине по рекам и лесам, справедливо говорит, что «русский человек, передвигавшийся из северных областей государства, не поселялся в безлесных местностях; не лес, а степь останавливала его движение». Таким образом, рядом с правительственною заимкою Поля происходила и частная. И та и другая, изучив свойства врага и средства борьбы с ним, шли смело вперед; и та, и другая держались рек и пользовались лесными пространствами для обороны дорог и жилищ; тем чаще должны были встречаться и влиять друг на друга оба колонизаторских движения. И действительно, правительство часто настигало поселенцев на их «юртах»; оно налагало свою руку на частнозаимочные земли, оставляло их в пользовании владельцев уже на поместном праве и привлекало население уже занятых мест к официальному участию в обороне границы. Оно в данном случае опиралось на ранее сложившуюся здесь хозяйственную деятельность и пользовалось уже существовавшими здесь общественными силами. Но, в свою очередь, вновь занимаемая правительством позиция становилась базисом дальнейшего народного движения в Поле: от новых крепостей шли далее новые заимки. Подобным взаимодействием всего лучше можно объяснить тот изумительно быстрый успех в движении на юг московского правительства, с которым мы познакомились на предшествующих страницах. Остерегаясь общего врага, обе силы – и общество и правительство – в то же время как бы наперерыв идут ему навстречу и взаимною поддержкою умножают свои силы и энергию. Знакомясь с делом быстрой и систематической заимки Дикого поля, мы удивляемся тому, что это широкое предприятие организовалось и выполнялось в те годы, когда по привычным представлениям в Москве существовал лишь террор умалишенного тирана.

Такой краткий обзор фактов деятельности Грозного. Эти факты не всегда нам известны точно; не всегда ясна в них личная роль и личное значение самого Грозного. Мы не можем

определить ни черт его характера, ни его правительственных способностей с тою ясностью и положительностью, какой требует научное знание. Отсюда ученая разногласия в оценке Грозного. Старые историки здесь были в полной зависимости от разноречивых источников.

Князь Щербатов сознается в этом, говоря, что Грозный представляется ему «в столь разных видах», что «часто не единым человеком является».

Карамзин разноречие источников относит к двойственности самого Грозного и думает, что Грозный пережил глубокий внутренний перелом и падение. «Характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в годах мужества и старости, есть для ума загадка», – говорит он.

Позже было выяснено пристрастие отзывов о Грозном – как шедших с его стороны, от официальной московской письменности, так и враждебных ему, своих и иноземных. Историки пытались, учтя это одностороннее пристрастие современников, освободиться от него и дать свое освещение личности Грозного.

Одни стремились к психологической характеристике Ивана. Они рисовали его или с чертами идеализации, как непонятую веком личность (Кавелин), или как человека малоумного (Костомаров) и даже помешанного (П. Ковалевский).

Более тонкие характеристики были даны Ю. Самариным, подчеркнувшим несоответствие умственных сил Грозного с слабостью его воли, и И.Н. Ждановым, который считал Грозного умным и талантливым, но неудавшимся и потому болезненно раздраженным человеком.

Все такого рода характеристики, даже тогда, когда они остроумны, красивы и вероподобны, все-таки произвольны: личный характер Грозного остается загадкой.

Тверже стоят те отзывы о Грозном, которые имеют в виду определить его политические способности и понять его государственное значение. После оценки, данной Грозному Соловьевым, Бестужевым-Рюминым и другими, ясно, что мы имеем дело с крупным дельцом, понимавшим политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. Одинаково и тогда, когда с Избранною радюю Грозный вел свои первые войны и реформы, и тогда, когда позднее, без Рады, он совершал свой государственный переворот в опричнине, брал Ливонию и Полоцк и колонизовал Дикое поле, он выступает перед нами с широкою программю и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбрать вожаков – все равно. Это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу. Недаром шведский король Иоанн, в противоположность Грозному, называл его преемника московским словом *Durak*, отмечая, что со смертью Грозного в Москве не стало умного и сильного государя...

Смута в Московском государстве

Итак, начальный факт XVII века – смута в своем происхождении есть дело предыдущего, XVI века, и изучение смутной эпохи вне связи с предыдущими явлениями нашей жизни невозможно. К сожалению, историография еще не разобралась в обстоятельствах Смутного времени настолько, чтобы точно показать, в какой мере неизбежность смуты определялась условиями внутренней жизни народа и насколько была вызвана и поддержана случайностями и посторонним влиянием. Когда мы обращаемся к изучению другой европейской смуты, французской революции, можно удивиться тому, как ясен этот сложный факт и со стороны своего происхождения, и со стороны развития. Мы легко можем следить за развитием этого факта, отлично видеть, что сам факт смуты – неизбежное следствие того государственного кризиса, к которому Францию привел ее феодальный строй; мы видим там и результат многолетнего брожения, выразившийся в том, что преобладание феодального дворянства сменилось преобладанием буржуазии. У нас совсем не то. Наша смута – вовсе не революция и не кажется исторически необходимым явлением, по крайней мере на первый взгляд. Началась она явлением совсем случайным – прекращением династии; в значительной степени поддерживалась вмешательством поляков и шведов и закончилась восстановлением прежних форм государственного и общественного строя и в своих перипетиях представляет массу случайного и труднообъяснимого. Благодаря такому характеру нашей государственной разрухи и является у нас так много различных мнений и теорий о ее происхождении и причинах. Одну из таких теорий представляет в своей книге «Истории России» С.М. Соловьев. Он считает первой причиной смуты дурное состояние народной нравственности, явившееся результатом столкновения новых государственных начал со старыми дружинными. Это столкновение – по его теории – выразилось в борьбе московских государей с боярством. Другую причину смуты он считает чрезмерное развитие казачества с его противогосударственными стремлениями. Смутное время, таким образом, он понимает как время борьбы общественного и противообщественного элемента в молодом Московском государстве, где государственный порядок встречал противодействие со стороны старых дружинных начал и противообщественного настроения многолюдной казацкой среды. Другого воззрения держится К.С. Аксаков. В своей рецензии на VIII том истории Соловьева Аксаков признает смуту фактом случайным, не имеющим глубоких исторических причин. Смута была к тому же делом государства, а не земли. Земля в смуте до 1612 года была совсем пассивным лицом. Над ней спорили и метались люди государства, а не земские. Во время междуцарствия разрушалось и наконец рассыпалось вдребезги государственное здание России, говорит Аксаков. «Под этим развалившимся зданием открылось крепкое земское устройство... в 1612–13 гг. земля встала и подняла развалившееся государство». Нетрудно заметить, что это осмысление смуты сделано совершенно в духе его общих исторических воззрений и что оно в корне противоположно воззрениям Соловьева. Третья теория выдвинута И.Е. Забелиным. Она в своем генезисе является сочетанием первых двух теорий, но сочетанием очень своеобразным. Причины смуты он видит, как и Аксаков, не в народе, а в правительстве, иначе – в боярской дружинной среде (эти термины у него равнозначущи). Боярская и вообще служилая среда во имя отживших дружинных традиций (здесь Забелин становится на точку зрения Соловьева) давно уже крамольничала и готовила смуту. Столетием раньше смуты для нее созидалась почва в стремлениях дружины править землею и кормиться на ее счет. Сирота-народ в деле смуты играл пассивную роль и спас государство в критическую минуту. Народ таким образом в смуте ничем не повинен, а виновниками были боярство и служилый класс. Н.И. Костомаров высказал иные взгляды. По его мнению, в смуте виновны все классы русского общества, но причины появления этого переворота следует искать не внутри, а вне России. Внутри для смуты были лишь благоприятные условия. Причина же лежит в пап-

ской власти, в работе иезуитов и в видах польского правительства. Указывая на постоянные стремления папства к подчинению себе восточной церкви и на искусные действия иезуитов в Польше и Литве в конце XVI века, Костомаров полагает, что они, как и польское правительство, ухватившись за Самозванца с целями политического ослабления России и ее подчинения папству. Их вмешательство придало нашей смуте такой тяжелый характер и такую продолжительность.

Это последнее мнение уже слишком односторонне: причины смуты, несомненно, лежали столько же в самом московском обществе, сколько и вне его. В значительной степени наша смута зависела и от случайных обстоятельств, но что она не была совсем неожиданным для современников фактом, говорят нам некоторые показания Флетчера: в 1591 году издал он в Лондоне свою книгу о России, в которой предсказывает вещи, казалось бы, совсем случайные. В V главе своей книги он говорит: «Младший брат царя (Федора Ивановича), дитя лет шести или семи, содержится в отдаленном месте от Москвы (то есть в Угличе) под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя». Написано и издано это было до смерти царевича Дмитрия. В этой же главе говорит Флетчер, что царский род в России, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произойдет переворот в Русском царстве. Это известие было напечатано за семь лет до прекращения династии. В главе IX он говорит, что жестокая политика и жестокие поступки Ивана IV, хотя и прекратившиеся теперь, так потрясли все государство и до того возбудили общий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием. Это было напечатано, по крайней мере, лет за десять до первого Самозванца. Таким образом, в уме образованного и наблюдательного англичанина за много лет до смуты сложилось представление о ненормальности общественного быта в России и возможном результате этого – беспорядках. Мало того, Флетчер в состоянии даже предсказать, что наступающая смута окончится победою не удельной знати, а простого дворянства. Это одно должно убеждать нас, что, действительно, в конце XVI века в русском обществе были уже ясны те болезненные процессы, которые сообщили смуте такой острый характер общего кризиса.

Первый период смуты: борьба за Московский престол

Прекращение династии

Начальным фактом и ближайшей причиной смуты послужило прекращение царской династии. Свершилось это прекращение смертью трех сыновей Ивана Грозного: Ивана, Феодора и Димитрия. Старший из них, Иван, был уже взрослым и женатым, когда был убит отцом. Характером он вполне походил на отца, участвовал во всех его делах и потехах и, говорят проявлял такую же жестокость, какая отличала Грозного. Иван занимался литературой и был начитанным человеком. Существует его литературный труд «Житие Антония Сийского». (Впрочем, надо заметить, что это «Житие» представляет просто переработку его первоначальной редакции, принадлежащей некоему иноку Ионе. Оно написано по существующему тогда риторическому шаблону и особенных литературных достоинств не имеет.) О причинах смерти Ивана существует несколько разноречивых известий: Псковская летопись говорит, что во время Ливонской войны, в критическую для Пскова минуту, Иван Грозный не хотел ему помочь. Тогда на защиту Пскова подал голос царевич Иван. У них с отцом произошла ссора, в которой сын получил от отца удар жезлом настолько сильный, что от него умер. По другим известиям, несогласие было вызвано отношениями Грозного к невестке своей, жене Ивана. За какое-то несоблюдение придворного этикета свекор начал бить ее, тогда Иван вступился за жену и был убит. В этой же ссоре, как передают, пострадал и Борис Годунов: вмешался в ссору и первый удар принял на себя. Как бы то ни было, а царевич в 1582 году скончался. После смерти Грозного в живых осталось два сына: Феодор и ребенок еще Димитрий, рожденный в седьмом браке Грозного, с Марией Нагой.

В первое время по смерти Ивана Грозного произошли какие-то, нам точно не известные беспорядки, которые окончились ссылкой боярина Бельского и удалением Марии Нагой с Димитрием в Углич. Царем сделался Феодор. Иностранцы послы Флетчер и Сапега рисуют нам Феодора довольно определенными чертами. Царь ростом был низок, с опухлым лицом и нетвердой походкой и при том постоянно улыбался. Сапега, увидав царя во время аудиенции, говорит, что получил от него впечатление полного слабоумия. Говорят, Феодор любил звонить на колокольне, за что еще от отца получил прозвище Звонаря, но вместе с тем он любил забавляться шутами и травлей медведей. Настроение духа у него было всегда религиозное, и эта религиозность проявлялась в строгом соблюдении внешней обрядности. От забот государственных он устранился и передал их в руки своих ближних бояр. В начале его царствования из боярской среды особенно выдавались значением Бельский, Мстиславский, Шуйские, Борис Годунов и Никита Романович Захарьин-Юрьев. Бельский скоро был сослан, а из прочих на дела более всего влияли Годунов и Юрьев. Так шло до 1585 года, когда Никита Романович Юрьев неожиданно был поражен параличом и умер. Власть сосредоточилась в руках Бориса Годунова, но ему пришлось бороться с сильными противниками – Мстиславским и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень резкий характер и кончилась полным торжеством Годунова. Мстиславский был пострижен, а Шуйские со многими родственниками подверглись ссылке.

Пока все это происходило в Москве, Мария Нагая с сыном и со своей родней продолжала жить в Угличе в почетной ссылке. Понятно, как должна была относиться она и все Нагие к боярам, бывшим во власти, и к Годунову, как влиятельнейшему из них. Нагая была жена Ивана Грозного, пользовалась его симпатией и общим почетом, и вдруг ее, царицу, выслали в далекий удел – Углич – и держали под постоянным надзором.

Таким надзирателем от правительства был в Угличе Битяговский. Относиться к Битяговскому Нагие не могли хорошо, видя в нем агента от тех, которые послали их в ссылку.

Мы очень мало знаем о настроении Нагих, но если вдуматься в некоторые свидетельства о Димитрии, то можно убедиться, какую сильную ненависть питала эта семья к боярам правящим и близким к Феодору; про Димитрия в Москве ходило, конечно, много слухов. Между прочим, по этим слухам иностранцы (Флетчер, Буссов) сообщают, что Димитрий характером похож на отца: жесток и любит смотреть на мучения животных. Рядом с такой характеристикой Буссов сообщает о том, что Димитрий сделал однажды из снега чучела, назвал их именами знатнейших московских вельмож, затем саблей сшибал им головы, приговаривая, что так он будет поступать со своими врагами – боярами. И русский писатель Авраамий Палицын пишет, что в Москву часто доносили о Димитрии, будто он враждебно и нелепо относится к боярам, приближенным своего брата, и особенно к Борису Годунову. Палицын объясняет такое настроение царевича тем, что он был «смущаем ближними своими». И действительно, если мальчик высказывал такие мысли, то очевидно, что сам он их выдумать не мог, а внушались они окружающими его. Понятно и то, что злоба Нагих должна была обратиться не на Феодора, а на Бориса Годунова, как главного правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроении Димитрия, который считался наследником престола, могли опасаться, что взрослый Димитрий напомнит им о временах отца своего, и могли желать его смерти, как говорят иностранцы. Таким образом, немногие показания современников с ясностью вскрывают нам взаимные отношения Углича и Москвы. В Угличе ненавидят московских бояр, а в Москве получают из Углича доносы и опасаются Нагих. Помня эту скрытую вражду и существование толков о Димитрии, мы можем объяснить себе как весьма возможную сплетню тот слух, который ходил задолго до убийства Димитрия, – о яде, данном Димитрию сторонниками Годунова; яд этот будто бы чудом не подействовал.

15 мая 1591 года царевич Димитрий был найден на дворе своих угличских хором с перерезанным горлом. Созванный церковным набатом народ застал над телом сына царицы Марию и ее братьев Нагих. Царица била мамку царевича Василису Волохову и кричала, что убийство – дело рук дьяка Битяговского. Его в то время не было во дворе; услышав набат, он тоже прибежал сюда, но едва успел прийти, как на него кинулись и убили. Тут же убили его сына Данилу и племянника Никиту Качалова. С ними вместе побили каких-то посадских людей и сына Волоховой Осипа. Дня через два была убита еще какая-то юродивая женка, будто бы портившая царевича. 17 мая узнали об этом событии в Москве и прислали в Углич следственную комиссию, состоящую из следующих лиц: князя В. Шуйского, окольничего Андрея Клешина, дьяка Вылузгина и крутицкого митрополита Геласия. Их следственное дело выяснило: 1) что царевич сам себя зарезал в припадке падучей болезни в то время, как играл ножом в «тычку» (вроде нынешней свайки) вместе со своими сверстниками, маленькими жильцами; и 2) что Нагие без всякого основания побудили народ к напрасному убийству невинных лиц. По донесению следственной комиссии дело было отдано на суд патриарха и других духовных лиц. Духовный суд обвинил Нагих и угличских мужиков, но окончательный суд передал в руки светской власти.

Царицу Марию сослали в далекий монастырь на Выксу (близ Череповца) и там постригли. Братьев Нагих разослали по разным городам. Виновных в беспорядке угличан казнили и сослали в Пелым, где из угличан составилось целое поселение; Углич, по преданию, совсем запустел. Несмотря на то что правительство отрицало убийство и признало самоубийство в смерти царевича, в обществе распространился слух, будто царевич Димитрий убит приверженцами Бориса (Годунова), по Борисову поручению. Слух этот, сначала записанный некоторыми иностранцами, передается затем в виде неоспоримого уже факта, и в нашей письменности являются особые сказания об убийстве Димитрия; составлять их начали во время Василия Шуйского, не ранее того времени, когда была совершена канонизация Димитрия и мощи его были перенесены в 1606 году из Углича в Москву. Есть несколько видов этих сказаний, и все они имеют одни и те же черты: рассказывают об убийстве очень правдоподобно и в то же время содержат в себе исторические неточности и несообразности. Затем каждая редакция

этих сказаний отличается от прочих не только способом изложения, но и разными подробностями, часто исключаящими друг друга. Наиболее распространенным видом является отдельное сказание, включенное в общий летописный свод. В этом сказании рассказывается, что сперва Борис пытался отравить Димитрия, но, видя, что Бог не позволяет яду подействовать, он стал подыскивать чрез приятеля своего Клешнина таких людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это было предложено Чепчугову и Загряжскому, но они отказались. Согласился только один Битяговский. Самое убийство, по этому сказанию, произошло таким образом: когда сообщница Битяговского, мамка Волохова, вероломно вывела царевича гулять на крыльцо, убийца Волохов подошел к нему и спросил его: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?» – «Нет, старое», – отвечал ребенок и, чтобы показать ожерелье, поднял голову. В это время Волохов ударил царевича ножом по горлу, но не захватил ему гортани, ударил неудачно. Кормилица (Жданова), бывшая здесь, бросилась защищать ребенка, но ее Битяговский и Качалов избили, а затем окончательно зарезали ребенка. Составленное лет через пятнадцать или двадцать после смерти Димитрия это сказание и другие рассказы крайне спутанно и сбивчиво передавали слухи об убийстве, какие ходили тогда в московском обществе. На них поэтому так и нужно смотреть, как на записанные понаслышке. Это не показания очевидцев, а слухи, и свидетельствуют они неоспоримо об одном только: что московское общество твердо верило в насильственную смерть царевича.

Такое убеждение общества или известной его части идет вразрез с официальным документом о самоубийстве царевича. Историк невозможно помирить официальные данные в этом деле с единогласным показанием сказаний об убийстве, и он должен стать на сторону или того, или других. Уже давно наши историки (еще Щербатов) стали на сторону сказаний. Карамзин сделал Бориса Годунова очень картинным «злодеем». В наше время в учебниках догматически излагается факт убийства Димитрия. Но в науке есть голоса и за то, что право следственное дело, а не сказание (Арцибашев и Погодин). Тем не менее господствовало и господствует прежнее мнение, что Димитрий убит Борисом (Костомаров, Соловьев), хотя статьи Е.А. Белова сильно подрывают это мнение.

В нашем изложении мы так подробно остановились на вопросе о смерти Димитрия для того, чтобы составить об этом факте определенное мнение, так как от взгляда на это событие зависит взгляд на личность Бориса; здесь же ключ к пониманию Бориса. Если Борис – убийца, то он злодей, каким рисует его Карамзин; если нет, то он один из симпатичнейших московских царей. Посмотрим же, насколько мы имели основание обвинять Бориса в смерти царевича и подозревать достоверность официального следствия. Официальное следствие, конечно, далеко от обвинения Бориса. В этом деле иностранцы, обвиняющие Бориса, должны быть на втором плане, как источник второстепенный, потому что о деле Димитрия они только повторяют русские слухи. Остается один род источников – рассмотренные нами сказания и вообще летописи XVI века. На них-то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этом летописном материале. Большинство летописных источников, направленных против Бориса, говоря о Борисе, или сознаются, что пишут по слуху, или как человека, хвалят Бориса. Но осуждающие Бориса сказания, во-первых, не умеют согласно передать обстоятельства убийства Димитрия, как мы это видели, и, кроме того, заключают в себе внутренние противоречия. Составлялись они долго спустя после события, когда Димитрий был уже канонизирован и когда царь Василий, отрекшись от своего же следствия по делу Димитрия, всенародно возвел на память Бориса вину в убийстве царевича, и оно стало официально признанным фактом. Во-вторых, все вообще сказания о смуте сводятся к очень небольшому числу самостоятельных редакций, которые позднейшими компиляторами очень много перерабатывались. Одна из этих самостоятельных редакций (так называемое «Иное сказание»), очень влиявшая на разные компиляции, вышла целиком из лагеря врагов Годунова – Шуйских. Если мы не примем во внимание и не будем брать в расчет компиляций, то окажется, что далеко не все самостоятельные авторы

сказаний против Бориса; большинство из них очень сочувственно отзывается о нем, а о смерти Димитрия часто просто молчат. Далее, враждебные Борису сказания насколько пристрастны в своих отзывах, что явно на него клеветуют, и их клеветы на Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками-учеными, – например, Борису приписываются: поджог Москвы в 1591 году, отравление царя Феодора и дочери его Феодосии.

Эти сказания отражают в себе настроения общества, их создавшего; их клеветы – клеветы житейские, которые могли явиться прямо из житейских отношений: Борису приходилось действовать при Феодоре в среде враждебных ему бояр (Шуйских и других), которые его ненавидели и вместе с тем боялись, как неродовитую силу. Сперва они старались уничтожить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естественно, что они стали для той же цели подрывать его нравственный кредит, и это им лучше удалось. Прославить Бориса убийцей было легко. В то смутное время, еще до смерти Димитрия, можно было чують эту смерть, как чуюл ее Флетчер. Он говорит, что Димитрию грозит смерть «от покушения тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». Но Флетчер не называет здесь Бориса, и его показание может распространяться и на всех более родовитых бояр, так как они тоже могли явиться претендентами на престол. Буссов говорит, что многие бояре хотели смерти Димитрия, а больше всех Борис. Нагие могли стоять на такой же точке зрения. Ненавидя все тогдашнее боярское правительство, они ненавидели Бориса только как его главу, и царица Мария, мать Димитрия, по весьма естественной филиации идей в минуту глубокого горя могла самоубийству сына придать характер убийства со стороны правительства, иначе говоря – Бориса, а этой случайно брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла воспользоваться, развить эту мысль и пустить в ход в московском обществе для своих целей. Попав в литературу, эта политическая клевета стала общим достоянием не только людей XVII века, но и позднейших поколений, даже науки.

Помня возможность происхождения обвинений против Бориса и соображая все сбивчивые подробности дела, нужно в результате сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на факте самоубийства Димитрия, но в то же время нельзя принять господствующего мнения об убийстве Димитрия Борисом. Если признать это последнее мнение требующим новых оправданий – а его именно таким и надо считать, – то мы можем объяснить выбор Бориса и без связи с его «злодейством». А что касается до этого господствующего мнения о виновности Бориса, то для его надлежащего подтверждения нужны, строго говоря, три исследования: во-первых, нужно доказать в деле Димитрия невозможность самоубийства и, стало быть, подложность следственного дела. Белов, доказывая подлинность этого дела, исследовал с медицинской точки зрения возможность самоубийства в эпилепсии. Медики говорили, что подобное самоубийство возможно. Что касается до самого следственного дела, то оно представляет нам подробности, отличающиеся такой наивностью, что подделать их в то время было бы просто невозможно, так как требовалось бы уже слишком много психологического чутья, недоступного людям XVII века. Далее, во-вторых, если и была бы доказана невозможность самоубийства, то следует еще доказать, что убийство было своевременным, что в 1591 году можно было предвидеть бездетную смерть Феодора и с нею связывать какие-нибудь расчеты. Этот вопрос очень спорный. Да, наконец, в-третьих, если бы такие расчеты и были возможны, то один ли Годунов мог их тогда иметь? Разве никто, кроме Годунова, не имел интереса в смерти Димитрия и не мог рискнуть на убийство?

Вот сколько темных и неразрешимых вопросов заключается в обстоятельствах смерти Димитрия. Пока все они не будут разрешены, до тех пор обвинение Бориса будет стоять на очень шаткой почве, и он перед нашим судом будет не обвиняемым, а только подозреваемым: против него очень мало улик и вместе с тем есть обстоятельства, убедительно говорящие в пользу этой умной и симпатичной личности...

Царствование Бориса Годунова

Умирая, Феодор не назначил себе преемника, а только оставил на всех «своих великих государствах» жену свою, Ирину Феодоровну. Тотчас после его смерти Москва присягнула царице; ее просили править с помощью брата, Бориса Феодоровича. Но от царства Ирина наотрез отказалась, съехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там под именем Александры. Вместе с сестрой поселился и Борис, а царством правил патриарх и бояре именем царицы. Все понимали, что управление временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же мог ему наследовать? По общему складу понятий того времени наследовать должен был родовитейший в государстве человек, но родовые счеты бояр успели у этому времени так уже перепутаться и осложниться, что разобраться в них было не так легко. Род Рюриковичей был очень многочислен, и относительное старшинство его членов определить вряд ли можно было с точностью. К тому же многие из очень родовитых членов были затерты при дворе менее родовитыми, но более счастливыми по службе родичами, а с другой стороны, среди московского боярства было много очень родовитых людей на Рюриковичей. В то время из Рюриковичей особым значением пользовалась родовитая семья князей Шуйских. Она была старше даже князей московских, а рядом с ней стояли во главе боярства очень знатные князья чужого рода – Гедиминовичи, Мстиславские и Голицыны. Наиболее талантливой из этих княжеских фамилий была фамилия Шуйских, не раз давала она государству выдающихся деятелей, отмеченных крупным воинским или административным талантом. Менее блестящие были Мстиславские и Голицыны, но они, как и Шуйские всегда занимали первые места в рядах московского боярства. По понятиям этого боярства, право быть выбранным на престол принадлежало одному из этих княжеских родов более, чем кому-либо другому. А между тем были в Москве два рода не княжеского происхождения, которые пользовались громадным значением при последних царях и по влиянию своему ничем не уступали знатнейшим Рюриковичам и Гедиминовичам. Это старые слуги князей московских – Романовы и Годуновы. Предок Романовых, по преданию, выехал в XIV веке «из Прусс», как выражаются древние родословные. Его потомки были впоследствии известны под именами Кошкиных, Захарьиных и с половины XVI века – Романовых (от имени Романа Юрьевича Захарьина). Дочь этого Романа Юрьевича в 1547 году вышла замуж за Ивана IV, и таким образом Романовы стали в родстве с царем. С той поры род Романовых пользовался большой симпатией со стороны народа. В минуту смерти царя Феодора было несколько Романовых, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Из них самым выдающимся слыл Феодор Никитич Романов. И он, и все его братья в это время были известны под именем Никитичей.

Род Годуновых был не из первостепенных родов и выдвинулся не родовой честью, а случайно только в XVI веке, хотя и восходил к XIV веку. Предок Годуновых – татарин Мурза-Чет приехал, как говорит предание, в XIV веке на службу к московскому князю. Как его потомки успели выдвинуться из массы подобной им второстепенной знати, неизвестно. Есть известие, что Борис и Ирина Годуновы в детстве уже были близки к царской семье. Пользуясь постоянным расположением грозного царя, Борис участвовал в его опричнине. Но и в Александровской слободе держал он себя с большим тактом, не участвовал в тех оргиях, которыми, между прочим, славна опричнина, и успел сохранить свое положение при дворе, не потакая дурным его страстям, как это делали другие любимцы. Народная память никогда не связывала имени Бориса с подвигами опричнины, по духу своему он не был опричником. Особенно близки стали Годуновы к царской семье с того времени, как сестра Годунова, Ирина, вышла замуж за царевича Феодора. Расположение Грозного к Годуновым все росло. В минуту смерти Ивана IV Борис был одним из ближайших к престолу и влиятельнейших бояр.

В первое время царствования Феодора большим значением пользовался Никита Романович Юрьев, а после его смерти влияние на дела всецело перешло к Борису. Он был не только фаворитом, но стал и формальным правителем государства. Это-то значение Годунова и обусловливало ненависть к нему бояр; несколько раз они пробовали с ним бороться, но были им побеждены. Влияния его поколебать было нельзя, и это было тем горше для боярства, что оно предугадывало события. Оно понимало, что бездетность Феодора может открыть путь к престолу тому из боярства, кто будет сильнее своим положением и влиянием. А сила Годунова стала беспримерна. Он располагал большим имуществом (Флетчер считает его ежегодный доход в сто тысяч рублей и говорит, что Борис мог со своих земель поставить в поле целую армию). Положение Бориса при дворе было так высоко, что иностранные посольства искали аудиенции у Бориса; слово Бориса было законом; Феодор царствовал, Борис управлял – это знали все и на Руси, и за границей. У этого-то неродовитого «татарина» и было более всех шансов по смерти Феодора занять престол, а он отказался и ушел за сестрою жить в монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царство принять не хочет, бояре задумали, как говорит предание, сделать Боярскую думу временным правительством и выслали дьяка Щелкалова к народу на площадь с предложением присягнуть боярам. Но народ отвечал, что он знает только царицу. На заявление об отказе и пострижении царицы из народа раздались голоса: «Да здравствует Борис Феодорович». Тогда патриарх с народом отправился в Новодевичий монастырь и предложил Борису Годунову престол. Борис наотрез отказался, говоря, что прежде надо успокоить душу Феодора. Тогда решили подождать выбора царя до тех пор, пока пройдет сорок дней со смерти Феодора и соберутся в Москву земские люди для царского избрания. По свидетельству Маржерета, Борис сам потребовал созвания по восьми или десяти человек выборных из каждого города, чтобы весь народ решил, кого надо избрать царем. Это показание Маржерета прекрасно объясняется известием из бумаг Татищева, что бояре хотели ограничить власть нового царя в свою пользу, а Борис, не желая этого, ждал Земского собора в надежде, что на Соборе «простой народ, выбрав его без договора бояр принудит». Если это известие верно, то можно сказать, что в этом деле умный Борис оказался дальновиднее боярства.

В феврале 1598 года съехались соборные люди и открылся Собор. Любопытен его состав. Лиц, участвовавших в этом Соборе, считают обыкновенно несколько более четырехсот пятидесяти, но вероятнее, что на Соборе присутствовало более пятисот человек. Из них духовных лиц было до ста человек, бояр до пятнадцати, придворных чинов до двухсот, горожан и московских дворян до ста пятидесяти человек и тяглых людей (но не крестьян) до пятидесяти человек. Соображая численное отношение разных московских групп на Соборе мы имеем возможность сделать следующие выводы: 1) Собор 1598 года состоял преимущественно из лиц служилых чинов, был Собором служилым; 2) в состав его входили преимущественно московские люди, а из других городов выборных, служилых и тяглых людей было не более пятидесяти человек.

Таким образом, на Соборе 1598 года была хорошо представлена Москва и очень неполно вся остальная земля. Но полноты представительства московские люди никогда не достигали. Они стали к ней приближаться только в XVII веке, и то далеко не всегда. Поэтому неполнота Собора 1598 года и преобладание на нем московских людей должно считаться естественным делом, а не следствием интриг Бориса, как многие думают. Далее, взгляды в состав этого Собора, мы заметим, что на Соборе было очень мало представителей этого многочисленного класса рядовых дворян, в котором привыкли видеть главную опору Бориса, его доброхотов. И наоборот, придворные чины и московские дворяне, то есть более аристократические слои дворянства, на Соборе были во множестве. А из этих-то слоев и являлись, по нашим представлениям, враги Бориса. Стало быть, на Собор не прошли друзья Бориса и могли пройти в большом числе его противники. Так заставляет думать состав Собора – аристократического и московского, и это отнимает у нас возможность предполагать, как делают некоторые исследователи, что Собор 1598 года был подтасован Борисом и потому представлял из себя игрушку

в руках опытного лицемера. После статей В.О. Ключевского «О составе представительства на Московских соборах» в правильности состава и законности Собора 1598 года едва ли можно сомневаться.

17 февраля Собор избрал царем Бориса. Его предложил сам патриарх. Три дня служили молебны, чтобы Бог помог смягчить сердце Бориса Феодоровича, и 20 февраля отправились опять просить его на царство, но он снова отказался; отказалась и Ирина благословить его. Тогда 21-го патриарх взял чудотворную икону Божией Матери и при огромном стечении народа отправился с крестным ходом в Новодевичий монастырь, причем было решено, что если Борис опять будет отказываться, то его отлучат от церкви, духовенство прекратит совершение литургий, а грех весь падет на душу упорствующего. После совершения в монастыре литургии патриарх с боярством пошел в келью Ирины, где был Борис, и начал уговаривать его, а в монастырской ограде и за монастырем стояли толпы народа и криком просили Бориса на престол. Тогда наконец Ирина согласилась благословить брата на престол, а затем дал согласие и Борис.

Так повествует об избрании официальный документ – избирательная грамота Бориса, но иначе передают дело некоторые неофициальные памятники. Они говорят, что Годунов добивался престола всеми силами и старался заранее обеспечить свое избрание угрозами, просьбами, подкупам, пред лицом же боярства и народа носил маску лицемерного смирения и отказывался от высокой чести быть царем. О подкупах и агитации Бориса говорит, между прочим, и Буссов: в своем рассказе об избрании Бориса, очень баснословном вообще, он повествует, что Ирина, сестра Бориса, призвала каких-то сотников и пятидесятников (вероятно, стрельцов) и подкупила их содействовать избранию ее брата, а сам Борис своими агентами избрал монахов, вдов и сирот, которые славословили и выхваляли народу. Этот оригинальный прием избирательной агитации Борис усилил еще другим: он подкупал будто бы бояр. Но боярство и было врагом Бориса, против которого он должен был агитировать, и если агитировал, то, конечно, не одной сиротской и вдовьей помощью. Что же касается до загадочных сотников и пятидесятников, то, если разуметь под ними стрельцов, они не могли принести пользы Борису, ибо на Соборе 1598 года их почти не было, а агитировать вне Собора они могли только в низших слоях московского населения, а эти слои слабо были представлены на Соборе. По таким и другим несообразностям рассказ Буссова об избрании Бориса следует заподозрить. Он писал, вероятно, по русским слухам. Эти слухи несколько определеннее высказаны в русских сказаниях. Там тоже встречаются известия о безнравственных поступках Бориса при его избрании. И с первого взгляда многочисленность этих известий заставляет верить в их правоту, но более близкое с ними знакомство разрушает доверие к ним. Некоторые хронографы и отдельные сказания обвиняют Бориса в следующем: он лестью и угрозами склонял народ избрать его на царство, рассылая своих приверженцев по Москве и в города; он силою, под страхом большого штрафа, сгонял народ к Новодевичьему монастырю и заставлял его слезно вопить и просить, чтобы Борис принял престол. Но все сказания, где находятся эти данные, имеют характер компиляций, и компиляций позднейших, причем в обвинениях Бориса следуют все одинаково одному сказанию, составленному в самом начале XVII века. Таким образом, многочисленность сказаний, направленных против Бориса, теряет свое значение, и мы имеем дело с одним памятником, ему враждебным. Это враждебное Борису сказание вышло из-под пера слепого поклонника Шуйских и смотрит на события партийно, ценит их неверно, относится к ним пристрастно. Можно ли полагаться на этот источник в деле обвинения Бориса, когда мы знаем, что Борис имел много прав на престол и пользовался популярностью; когда, наконец, мы имеем такие показания, которые дают полное основание предполагать, что Собор не был запуган Борисом, не был искусственно настроен к тому, чтобы избрать именно его, Бориса, а совершил это вполне сознательно и добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.